

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт общественных наук

Школа актуальных гуманитарных исследований

Кафедра всеобщей истории

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы исторической секции
конференции для студентов, магистрантов и аспирантов
«АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ»

24 апреля 2021 г.

Москва, 2021

Редакционная коллегия:

О.В. Ауров (ответственный редактор)

Е.Д. Браун (ответственный секретарь)

Власть и общество в большой Европе: от Античности до современности:
материалы исторической секции конференции для студентов, магистрантов и
аспирантов «Академические диалоги». 24 апреля 2021 г. М.: РАНХиГС, 2021.
125 с.

© Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	8
БОЛЬШАЯ ЕВРОПА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.....	10
<i>Таньшина Н.П.</i> Является ли Россия частью Большой Европы? Взгляд с Запада	10
ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ: ОТ АНТИЧНОСТИ К РАННЕМУ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.....	15
Социум и властные структуры в античном мире.	15
<i>Машарова В.</i> Личность Октавиана Августа и особенности его политического курса в трудах античных мыслителей	15
<i>Баженов Е.</i> Парные изображения римских императоров в позднеантичной нумизматической пропаганде как отражение идеи единства Империи.....	22
<i>Миненкова М.</i> Риторика в автобиографических текстах политиков на примере "Размышлений" Марка Аврелия и "Земли обетованной" Барака Обамы.....	27
<i>Воронцов А.</i> Религиозный выбор Константина Великого	32
Личность, власть и общество в Большой Европе X–XVI вв.....	37
<i>Малькова А.</i> Образ конунга в «Пряди о Норна-гесте»: историзация эпоса.	37
<i>Сота Ф.</i> Эмоции и эмоциональные сообщества в «Cantigas de Santa María» Альфонсо X.....	40
<i>Косова К.</i> «История против язычников» Павла Орозия как источник рассказа о Юлии Цезаре во «Всеобщей истории» Альфонсо X Мудрого ...	45
<i>Панфилова А.</i> Описание Иерусалима в кастильской хронике конца XIII — начала XIV вв. "Великое завоевание в заморских землях"	50
<i>Мамиева А.</i> Финансовая политика Католических королей в ходе Гранадской войны (1482–1492) по данным «Хроники сеньоров католических королей» Фернандо дель Пульгара.....	55

Кирышова Е. Бракоразводный процесс Генриха VIII и Екатерины
Арагонской в литературе английского романтизма..... 60

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ 64

Общество и властные структуры Большой Европы в XIX в. 64

Климашина А. Шарль-Андре Поццо ди Борго: ренессанс научного интереса
к изучению деятельности великого дипломата 64

Крутов Д. Понятие «аристократия» в контексте полемики между
«Философскими вигами» и «Философскими радикалами»..... 69

Степанов И. Ричард Кобден и его восприятие российско-британских
отношений в 1830–1850 гг. 73

Молчанова А. Российское самодержавие в восприятии У. Т. Стэда 77

Личность, власть и общество в Большой Европе первой половины XX в.

..... 82

Корнеев А. Британские социальные реформы 1906–1910 гг. и их роль в
построении государства всеобщего благосостояния 82

Павличенко П. Русские Особые бригады (1916–1917 гг.)..... 87

Горохова М. Идейные течения в среде русских эмигрантов в Чехословакии:
евразийство и сменовеховство..... 92

Хатмуллина А. Политическая жизнь Испании 1920-1930-х гг. (по мемуарам
Клаудио Санчеса-Альборноса)..... 95

Балиоз М. «Призрак Мюнхена» в риторике «миротворцев» после оккупации
Чехословакии Германией 15 марта 1939 г. 100

Власть и социум в Большой Европе XX-XXI вв.: динамика

взаимоотношений..... 106

Исаева Н. Трансформация образа И. В. Сталина в контексте празднования
его юбилеев (1929, 1939, 1949 гг.)..... 106

Свирин М. Повседневность позднесоветской школы в документах и
практиках 111

<i>Орлов С.</i> Память о гражданской войне в исторической памяти испанцев (2004–2011).....	115
<i>Вахрушев И.</i> Итальянское «Движение пяти звезд» в контексте популистского тренда.....	120

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник содержит материалы исторической секции ежегодной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Академические диалоги». Конференция состоялась 24 апреля 2021 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

«Академические диалоги» проводятся на факультете Liberal Arts Института общественных наук РАНХиГС уже более пяти лет. В этом году в состав рабочей группы «Диалогов» вошли не только преподаватели, но и студенты Liberal Arts. Именно они сформулировали стержневую, объединившую все секции проблему. Будущие философы, историки, социологи, психологи, юристы, политологи, конфликтологи, искусствоведы, антропологи, экологи и урбанисты обсуждали общество во всем его многообразии. Каждая наука предложила свой взгляд, в итоге позволивший сформировать целостный образ.

Несмотря на то, что историческая секция заметно моложе «Академических диалогов» – в этом году молодые историки собрались во второй раз – она собрала самый представительный состав участников: 24 человека. Это студенты, магистранты и аспиранты из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского государственного гуманитарного университета и Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики. Организатором работы исторической секции является кафедра всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Будущие историки говорили о проблеме взаимодействия властных структур и социальных институтов, о личностном и социальном измерениях истории; о месте исторической науки в европейском обществе и о

механизмах формирования исторической памяти. Обсудили проблемы иммиграции, истории повседневности и истории эмоций. Одним из несомненных плюсов исторической секции «Диалогов» стали исключительно широкий хронологический (от рубежа н.э. до 2010-х гг.) и географический охват дискуссии. Доклады студентов, магистрантов и аспирантов были посвящены истории Древней Греции и Древнего Рима, Византии и Скандинавских стран, Испании и Великобритании, Франции и Италии, Чехии и России.

Для начинающих свой профессиональный путь студентов младших курсов участие в работе «Академических диалогов» стало первым шагом в научной жизни, старшекурсники продемонстрировали более высокий уровень анализа, доклады магистрантов и аспирантов подтвердили, что они уже состоявшиеся исследователи. Бесконечно отраднo, что все участники конференции – люди увлеченные, ведь только любовь к истории может сделать научную работу по-настоящему интересной и плодотворной. Надеемся, что с годами эта привязанность не ослабеет, и те, кого мы знаем как своих учеников, станут нашими коллегами и сделают немало научных открытий.

Оргкомитет исторической секции «Академических диалогов»

О.В. Ауров, Н.П. Таньшина, Е.Д. Браун

(кафедра всеобщей истории ШАГИ ИОН РАНХиГС)

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Таньшина Наталия Петровна
РАНХиГС, д-р ист. наук, профессор
кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН

Является ли Россия частью Большой Европы? Взгляд с Запада

Вопрос о том, является ли Россия частью Европы, является ли она европейским государством, относится отнюдь не к разряду риторических или географических, хотя огромные пространства России, ее географическая близость как с Европой, так и с Азией, всегда вызывали у европейцев сложности с ее идентификацией. Вопрос о сущности российской государственности был важнейшим для самоопределения самой России, особенно в XIX веке, когда в обществе происходили серьезные дискуссии о путях развития Российского государства и его сути. Не менее острые споры происходили в самой Европе, взгляд которой на сущность российской государственности зависел как от характера непосредственных отношений с Россией, от текущей конъюнктуры, так и от уже сформировавшихся стереотипов.

Итак, является ли Россия частью Европы? На протяжении долгого исторического развития этот вопрос не оставался статичным. Домонгольская Русь не воспринималась в Европе как нечто чуждое и непонятное, о чем свидетельствуют, например, брачные союзы детей Ярослава Мудрого и его самого.

В 1051 г. Анна Ярославна вышла замуж за короля Франции Генриха I, однако спустя три года после этого события, в 1054 г., христианская церковь окончательно разделилась на Западную, католическую, и Восточную, православную. Именно этот раскол, а до этого принятие Русью христианства

по восточному образцу, стал фактором, во многом отделившим нашу страну от Европы.

Но расколом церквей дело не ограничилось. Ордынское нашествие, а потом и иго стало водоразделом в отношениях Руси с Европой. Если Русь домонгольская была совершенно близка и понятна европейцам, между Европой и Русью велась активная торговля и развивались династические связи, то ордынское нашествие на два с половиной столетия отсекло будущие российские земли от Европы, во многом «закрыв» нашу страну для европейцев. Поэтому вплоть до начала XVI века в Европе о Московской Руси не знали почти ничего. И когда европейские купцы наконец-таки стали прибывать в далекую Московию, они буквально столбенели от удивления — жители этой страны внешне были такими же, как они сами, но порядки были совершенно иными.

Правление Ивана III ознаменовалось появлением большого количества путевых дневников, поскольку в это время в Россию все чаще приезжают послы, папские легаты и западные путешественники, и самой известной на тот момент книгой стали «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486—1566) (Герберштейн 2008).

К незнакомцу, *Другому*, люди испытывают эмоции двоякого рода: интерес и страх. Если у ренессансных путешественников доминировал интерес, но в ходе событий Ливонской войны (1558—1583) к этому интересу добавляется страх. Характерно, что после Ливонской войны на географических картах, издаваемых в Польше, Россия уже находилась за рамками Европы.

Следующий этап в трансформации взгляда на Россию связан с эпохой правления Петра Великого. Петр не только «прорубил окно в Европу» для России. Его преобразования и активная внешняя политика породили непрекращающуюся до сих пор дискуссию о роли и месте России в Европе. Эта дискуссия началась во Франции и постепенно охватила все западные страны. Именно французских политических мыслителей, начиная с

философов века Просвещения, можно с полным основанием считать пионерами в области русистики. И если Шарль Луи Монтескье, при всем его критическом взгляде на Россию, отмечал, что Петр I дал нравы и манеры Европы европейской нации», то Жан-Жак Руссо полагал, что петровские реформы, насаждаемые извне, были неестественными и противоречили сути русского народа и русской души.

В начале XIX в. европейцы получили возможность воочию познакомиться с русскими. Случилось это в ходе Заграничных походов русской армии и триумфального вступления русских войск в Париж. И тут у французов, обработанных наполеоновской пропагандой, испытывающих панический ужас перед ужасными казаками, глотателями свечей и пожирателями детей, случился когнитивный диссонанс. Когда они увидели русских гвардейцев, красивых, элегантных, с прекрасными манерами, говорящих на безупречном французском языке, они просто не могли поверить, что перед ними — русские. Именно тогда Францию на короткий срок захлестнула александромания и мода на все русское.

Однако эта мода быстро прошла, и европейцы снова начали взирать на Россию, уже николаевскую посредством традиционной оптики превосходства и с опасением. Вследствие активной внешней политики Николая и его откровенного неприятия революционных потрясений в Европе, императора тогда сравнивали с Атилой, русских — с гуннами, готовыми подчинить Европу (Таньшина 2020). Однако и в это время взгляд на Россию оставался амбивалентным. И если маркиз Астольф де Кюстин, совершив краткое путешествие по России сформировал стойкое мнение, что Россия абсолютно чужда европейской цивилизации, все в ней — лишь фасады (Сибирь, по его словам, начинается от Вислы, при этом Сибирь — это не столько понятие географическое, сколько мифологическое, это антизапад, антибытие; несмотря на то, что он прибыл в Россию летом, когда стояла, по его словам, «африканская» жара, он транслирует миф о ледяной стуже, которая является обязательным атрибутом варварских земель,

лежащих к востоку от цивилизованной ойкумены; посетив лишь несколько городов центральной России, ее пространства он воспринимает не иначе, как азиатские степи, чуждые морю, особенно Средиземному, как центру европейской цивилизации. Причем для Кюстина речь идет о России именно как об Азии, а не как о Востоке), то, например, граф Поль де Жюльвекур, семь лет проживший в России, писал: «Европейцы запрашивают паспорта в Петербург и Москву. Рим и его бывшее величие их больше не интересует. Будущее находится на берегах Невы» (Julvécourt 1837. P. VII).

В конце XIX в., на волне франко-русского сближения, Анатолий Леруа Болье написал книгу «Империя царей и русские», в которой попытался объяснить инаковость России ее сложной историей. Россия для него изначально — европейское государство, однако монгольское нашествие и иго сбilo ее с общеевропейского пути, и только петровские преобразования, пусть и очень неоднозначные, а потом и Великие реформы Александра II вернули Россию в русло развития европейской цивилизации. При императоре Александре «двери империи снова были открыты, и, наконец, была проведена реформа, которая должна была примирить Россию с самой собой, как и с Европой» (Leroü-Beaulieu 1881. P. 262), имея в виду отмену крепостного права. России очень многого не достает, Россия — это царство пробелов, но она способна к восприятию европейских ценностей при должном учении у Запада.

Однако Октябрьская революция в России снова изменила взгляд на нашу страну, и вновь оказался востребованным взгляд маркиза де Кюстина. Как отмечал американский дипломат Джордж Кеннан, автор «доктрины сдерживания», книга Кюстина была несправедлива, когда вышла в свет, но стала правдивой через сто лет. Или, как писал Збигнев Бжезинский в предисловии к изданию книги Кюстина 1987 г., «ни один советолог еще ничего не добавил к прозрениям Кюстина в том, что касается русского характера и византийской природы русской политической системы» (Меттан 2017. С. 220).

И на этом фоне выделяется лишь позиция «самого великого из французов» XX века, генерала и президента Шарля де Голля, имевшего свой взгляд на Европу и воспринимавшего ее как пространство «от Атлантики до Урала».

В 1837 г. уже упоминавшийся мною граф Поль де Жюльвекур в своей книге о России под названием «Балалайка» писал, что Россию нельзя исследовать на расстоянии и судить о ней по европейским стандартам, поскольку «если голова ее находится в Европе, тело — в Азии, то душа — у Бога» (Julvécourt 1837. P. XI-XII). С момента написания этих слов прошло почти двести лет, однако дискуссия о месте и роли России в Европе, изначально получившая культурно-идеологическую направленность, не прекращается и по сей день, несмотря на резко возросшую взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, и ясное понимание того, что Россия является необъемлемой частью как Большой Европы, так и Большого Средиземноморья.

Список источников и литературы:

- Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. - М., 2008.
- Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. - М., 2017.
- Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. - СПб., 2020.
- Julvécourt P. de. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. - P., 1837.
- Leroy-Beaulieu A. L'Empire des tsars et les Russes. - Т. 1. - P., 1881.

ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ: ОТ АНТИЧНОСТИ К РАННЕМУ НОВОМУ ВРЕМЕНИ

СОЦИУМ И ВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ В АНТИЧНОМ МИРЕ.

Машарова Валерия

РАНХиГС, магистрантка ШАГИ ИОН

Личность Октавиана Августа и особенности его политического курса в трудах античных мыслителей

Август пришел к власти в период краха республиканского строя, отражением которого, в первую очередь, стал упадок нравов в Риме на рубеже II и I вв. до н. э.

После очередного витка волнений и борьбы за власть, после смерти Цезаря, для упрочения своего положения Октавиану пришлось завоевывать любовь простых и почтенных граждан, а также вселять в людей надежду на восстановление нравов и обычаев предков, сохранение которых в былые времена всегда обеспечивало стабильность и процветание Рима. Умелое политическое маневрирование позволило Августу установить и закрепить новый формат управления государством – принципат.

Периоду принципата посвящено огромное количество исследований, тогда как идеологией Ранней империи ученые заинтересовались довольно поздно, большая часть трудов посвящена либо другим аспектам правления Августа, либо изложению истории Римской Империи в целом. Одними из первых в XVIII — первой половине XIX вв. о «теории фасада», то есть о несовпадении заявлений Августа о «восстановлении Республики» с действительностью, заговорили М.-Ф. Вольтер (Voltaire 1827) и Ж.-Л. Монтескье (Montesquieu 1831). В соответствии с идеями Просвещения и

романтизма во главе угла ставились моральные качества выдающихся личностей – таким образом, Августа описывали как тирана.

Следующим рубежом была вторая половина XIX в. и первые десятилетия XX в., когда в исторической науке возобладали позитивистские установки. Среди исследователей этого времени, безусловно, выделяется Т. Моммзен. В своем «Римском государственном праве» (Mommsen 1877) он дал развернутую характеристику юридических основ принципата. Он стал первым историком, который поставил под сомнение «лицемерие» Октавиана и обосновал, почему принципат не был монархией. Еще одним крупным трудом стало исследование английского историка Р. Сайма «Римская революция» (Syme 1939). По мнению ученого, в I в. до н. э. произошла революция – переход власти от старого нобилитета к новой олигархии. В его представлении, этот переход возглавил именно Август. Наконец, в конце XX в. произошел новый виток интереса к идеологии времен Августа. Несколько статей X тома «Кембриджской истории» посвящены непосредственно идеологии и политике эпохи Августа и Тиберия. В первом полутоме главы, написанные Дж.-А. Круком и Т.-Э.-Й. Видеманом освещают правления Августа и Тиберия. Во втором полутоме Н. Перселл и В. Треджари описывают общее состояние Рима при Августе и его преемниках, в том числе освещается социальное законодательство (Империя Августа 43 г. до н. э. 2018).

Наиболее крупные труды отечественных историков появились в XX в. К одним из самых значимых исследований относится труд Н. А. Машкина (Машкин 1949), в котором автор комплексно и всесторонне рассмотрел принципат как систему. Однако основной линией все же была социальная составляющая принципата. Отдельного внимания заслуживают монографии Я. Ю. Межерицкого, в частности, «Восстановленная республика» императора Августа» (Межерицкий 2016). В его работах исследование восстановления республиканских традиций в идеологии раннего Принципата играет определяющую роль. По мнению ученого, «республиканизм» был важной и

неотъемлемой частью политики первого императора, которая позволила обеспечить ему успешное правление. В работах Я. Ю. Межеричского представлен комплексный анализ всех мероприятий Августа в различных сферах, которые, как правило, демонстрировали уважение к традициям и идеалам Республики.

Количество научной литературы, посвященной политике и идеологии эпохи Августа, очень велико. Однако эта проблематика до сих пор остается дискуссионной, продолжает существовать огромное количество концепций и подходов к изучению этой темы. Те или иные подходы («теория фасада», «теория республиканизма», «интегральная концепция») не лишены недостатков, что не позволяет принять окончательное решение в пользу одной из них. Также от работы к работе разнится трактовка основных политических лозунгов эпохи Августа, что порождает еще большее количество недостаточно обоснованных выводов. Таким образом, в исследовании этой темы остается еще много вопросов для изучения, как частных, так и общих.

Становление принципата Октавиана Августа – весьма актуальный вопрос, особенно в контексте его политики по укреплению нравов в Империи. Существует множество источников, которые, хотя и несколько противоречиво, рассказывают о событиях времени правления Августа. Это период освещали как республиканцы Тит Лабие и Азиний Поллион, которые были современниками императора, так и сам Август, который написал собственную автобиографию, где трактовал свои поступки, объяснял те или иные решения. Этот трактат был назван «Деяния божественного Августа», и в нем сухо излагались итоги его правления. Вопросы становления принципата Августа, его политических преобразований во все времена были актуальны, в том числе обсуждались Тацитом (начало II в.) и Дионом Кассием (начало III в.).

В честь Августа писали панегирики и в древности, и в современном мире, однако значительная часть оценок все же была критической. Даже в

«Анналах» Тацита видно, что существовало огромное количество мнений относительно личности Августа, его правления и его последствий. Эта противоречивость также присуща и произведению Светония, который акцентировал внимание именно на личности Октавиана. Однако несмотря на подробное описание внешности и характера Октавиана, Светоний недостаточное внимание уделил именно становлению и развитию принципата. Также напомним о противоречиях. Светоний начинал свое повествование об Августе как о несколько отрицательном персонаже, а впоследствии поменял свое мнение, подытожив, что римский народ отмечал Августа как мужественного, благочестивого и справедливого правителя. (Светоний 1994).

Николай Дамасский, будучи убежденным поклонником Октавиана Августа, писал, что вся империя поклонялась ему как божеству. Также Николай Дамасский отмечал, что Октавиан поражал всех своими умственными способностями. (Николай Дамасский 1960). В изложении Николая Дамасского император предстает как благороднейший человек, который пожертвовал собой ради народа, вступив на трудную политическую тропу справедливости и благочестия. С этой же точки зрения Октавиана Августа представляет и Веллей Патеркул (Веллей Патеркул 1995. С. 11-98).

Более сдержанно описывает Октавиана Дион Кассий, который представляет его как колеблющегося и сомневающегося человека (Кассий 2014). Однако Кассий также выражает свою симпатию установленным Августом порядкам.

В центре данного исследования находится переломный период истории Римской Империи, когда Поздняя республика сменяется принципатом, ключевой фигурой которого стал Октавиан Август, приемный сын Гая Юлия Цезаря.

Воцарение Октавиана было сложным: гражданские войны раскололи страну, дестабилизировали ее. Однако и победа, и воцарение Августа

совершенно не свидетельствовали об установлении порядка. Сам Октавиан был личностью неоднозначной и, порой, противоречивой.

Тем не менее, Август был достаточно расчетливым политиком, был способен приспосабливаться к различным ситуациям для собственной выгоды, притворяться не тем, кто он есть. Август не доверял полностью никому. Однако, все эти особенности и черты характера позволили ему построить сильное государство, завоевать признание народа и даже получить статус божества после смерти.

Для того, чтобы укрепить свои позиции и монархию в Риме, Август сменил вектор своего личного поведения с сомнительно морального на строго благочестивое, педалировал идею крепкого брака и семейственности.

Август провел ряд реформ не только в политической сфере, но и в сфере нравов. Он взывал к обычаям предков, силе семьи, религии, основам Республики. Законы, принятые Августом, были, как предполагается, лишь предлогом для укрепления его собственной власти.

Все меры социальной политики Августа основывались на его личных качествах, которые должны были стать общепринятыми добродетелями. Все реформы были нацелены не только на благо общества и республики, но и на установление образа принцепса как оплота стабильности ситуации в республике. Политика Августа была призвана продемонстрировать, что он озабочен не столько личной властью, сколько восстановлением прежнего статуса государства и римского общества, возвращением нравов и обычаев предков, которые были забыты в ходе затянувшихся гражданских войн, более всего отравивших высшие слои населения безнаказанностью и вседозволенностью. Своей программой он запустил «исцеление» римского общества. Удивительно насколько визуально стройную ему удалось выстроить программу, в которой все меры вытекали друг из друга и должны были обеспечить переход Рима в «Золотой век». И этот переход в глазах современников действительно произошел, однако продержались эти

настроения до правления Тиберия и там уже начали ослабевать и возвращаться к своему предшествующему состоянию.

Список источников и литературы:

Источники

- Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / Пер. А. М. Сморгочкова (рукопись).
- Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб пособие для вузов по спец. «История» / Сост.: И.А. Гвоздева, И.Л. Маяк, А.Л. Смышляев и др.; под ред. В. И. Кузицина. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 165-176.
- Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI-LXIII / Перев. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. - СПб.: Нестор-История, 2014. - 680 с.
- Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги римских войн. Пер. с лат. / Изд. подгот. А. Немировским. - М.: Ладомир, 1995. - С. 11-98.
- Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании // Вестник древней истории. – 1960 г. - № 4.
- Тацит Корнелий. Анналы /под ред. С. А. Утченко - М.: Наука, 1994. – 445 с.
- Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей /под ред. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. - М.: Наука, 1994. - 376 с.

Литература

- Крук Дж.А. Глава 3. Август: власть, авторитет, достижения. // Империя Августа 43г. До н. э.: в 2 томах / Под ред. А.-К. Боумэна, Э. Чэмплина, Э. Линтогта; перев. с англ., подготов. текста, предисловие,

примечания О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. – М.: Ладомир, 2018. – Первый полутом. – С. 143-182.

- Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. - М.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 688 с.
- Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.
- Сморгачев А. М. Религиозная политика Августа: память о прошлом // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / под ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. - 262 с.

Парные изображения римских императоров в позднеантичной нумизматической пропаганде как отражение идеи единства Империи

В настоящее время в исторической науке доминирует мнение, что Римская империя окончательно распалась в 395 г. н. э. на две части Западную и Восточную, каждая из которых стала самостоятельным государством. Часть историков считает, что распад римского государства в силу многих причин был вполне естественным явлением (Курбатов 1967. С. 66–67). Другие подчеркивают, что восточные императоры были ничуть не менее «римскими», чем их западные коллеги и отмечают, что в обеих частях государства было абсолютно одинаковое государственное устройство, одни и те же традиции, религия и законы (Кравчук 2011. С. 4). Стоит также заметить, что разделение высшей власти над государством между двумя лицами является характерной чертой для римлян, начиная практически с самого основания Города. Прецеденты разделения власти между двумя императорами также известны задолго до 395 г. н. э., еще со времен принципата.

Так, после смерти Антонина Пия, в 161 г. н. э. римским императором стал Марк Аврелий. Он сделал своим соправителем Луция Вера, наделив того практически равной во всех отношениях властью, создав новый прецедент, часто повторяющийся в следующих веках (Грант 1998. С. 117). Это отразилось в нумизматике того периода. Так, на реверсах ауреусов Марка Аврелия (RIC III Marcus Aurelius 11) и Луция Вера (RIC III Marcus Aurelius 451) изображены две фигуры. Вероятно, они олицетворяют императоров–соправителей, которые пожимают друг другу руки, это символизирует дружеские отношения между ними, чему является

подтверждением легенда реверса: «CONCORDIAE AVGVSTOR» (Согласие августов).

Также представляют интерес ауреусы двух императоров–братьев: Карина (RIC V Carus 317) и Нумериана (RIC V Carus 462). Важно отметить, что после смерти своего отца – императора Кара, Карин стал преемником на Западе, а Нумериан на Востоке (Грант 1998. С. 226). На реверсах оба правителя держат сферу – символ высшей власти (Грабар 2000. С. 38). Сфера украшена фигурой богини Виктории с двумя венками, венчающей каждого из братьев, что является отражением равенства власти обоих августов.

Довольно интересными, на мой взгляд, являются монеты с профилями Диоклетиана (RIC V Diocletian 313) и Максимиана (RIC V Diocletian 615). На реверсах императоры–соправители вновь изображены с одинаковым набором регалий. Сами фигуры правителей повернуты влево и каждую из них венчает крылатая фигура Виктории. Надпись «CONCORDIAE AVGG» вновь отсылает к дружеским отношениям между соправителями.

Достаточно распространенным сюжетом для нумизматики второй половины IV в. н. э. является изображение на реверсах двух правителей, которые сидят в императорских одеяниях на одном троне, вместе они держатся за одну сферу, позади них изображена крылатая богиня Виктория. Такой сюжет является наглядным отражением единства государства и власти. Подобная композиция прослеживается на реверсах западных и восточных императоров, а также узурпаторов: Валентиниана I (RIC IX Treveri 17A), Валента II (RIC IX Treveri 39A), Грациана (RIC IX Mediolanum 5A), Магна Максима (RIC IX Treveri 77B), Феодосия I (RIC IX Aquileia 40B), Валентиниана II (RIC IX Treveri 90A), Евгения (RIC IX Treveri 101).

Императоры Аркадий и Гонорий, которые получили в 395 г. н. э. контроль над восточной и западной частью римской державы были братьями, а потому неудивительно, что и в их монетах также присутствует сюжет, отражающий единство государей. Примечательным в этом контексте является солид Аркадия (RIC X Arcadius 3). На монете изображены августы,

сидящие на одном троне, которые вместе держат один щит. Таким образом, можно утверждать, что парные изображения императоров сохранялись и после 395 г. н. э.

Сохранялись они и в V в. н. э. В этой связи, представляют интерес солиды Феодосия II (RIC X Theodosius II (East) 239) и Валентиниана III (RIC X Theodosius II (East) 242). Отмечу, что вместо сфер у каждого правителя по кресту, но правители все так же сидят на одном троне. Легенда «SALVS REIPVBLICAE» (Благополучие государства) подчеркивает, что такое положение дел идет во благо государству и в то же время, что это государство одно.

В 467 г. н. э. восточный император Лев I назначил Прокопия Антемия главой Запада, разделив с тем, по собственному заявлению, «правление миром» (Грант 1998. С. 361). Связь между двумя государями отразилась и в нумизматике. На реверсе одного из солидов Антемия (RIC X Anthemius 2823) можно видеть, что обе фигуры вооружены копьями и держатся за одну сферу, увенчанную крестом. Знакомая надпись «SALVS REIPVBLICAE» показывает, что империя одна, но императоров двое и правят они во благо государства.

Довольно важным в общем контексте работы является солид Льва II и Зенона (RIC X Leo II and Zeno 803). В сюжетном плане реверсов ничего нового: императоры на одном троне, достаточно распространенная легенда «SALVS REIPVBLICAE». Отмечу, что в данном примере две представленные фигуры изображают восточноримских правителей. Сюжетно они изображены скорее, как восточный и западный император. Вероятно, для римлян двоевластие, что между двумя частями, что в рамках одной части Империи являются понятиями одного и того же характера, т.к. никакой особой сюжетной дифференциации этих прецедентов проследить не удастся.

Дополнительным аргументом в пользу такого взгляда является монета Юстина I и Юстиниана I (DOC 3-). В этом случае прослеживается схожая ситуация, когда восточноримские императоры–соправители изображены

точно так же, как некогда изображались императоры западные и восточные. Государи снова сидят на одном троне и каждый из них держит по сфере.

Подчеркну, что монеты в древности являлись самым широким по возможностям и массовым средством пропаганды (Абрамзон 1994. С. 141). Ведь все экономически активное население сталкивалось с деньгами, таким образом, донести определенную идею именно через нумизматику представляется наиболее эффективным способом. Одной из таких идей в поздней Римской империи являлась идея единства власти и единства Империи несмотря на то, что управление государством было разделено между несколькими людьми.

В качестве итога работы отмечу, что появление изображений императоров–соправителей в нумизматике не связано ни с крахом западной части Империи в 476 г. н.э., ни с «разделением» государства в 395 г. н. э., ни с учреждением тетрахии Диоклетианом, ни даже с кризисом III в. н. э. Благодаря данным нумизматики можно подвергнуть сомнению тезис о распаде Римской державы в конце IV в. н. э. На мой взгляд, нужно говорить о соправительстве императоров, а не о распаде государства на части.

Список источников и литературы:

1. Абрамзон М. Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики – Челябинск: Челябинский гос. ун–т., 1994. – 270 с.
2. Грабар А. Император в византийском искусстве / Пер. с фран. Э. С. Смирновой. – Москва: Ладомир, 2000. – 328 с.
3. Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. / Пер. с англ. М. Гитт. – Москва: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. – 400 с.
4. Кравчук А. Галерея византийских императоров / Пер. с польск. Н.В. Селивановой. – Екатеринбург: У–Фактория; Москва: Астрель, 2011. – 415 с.

5. Курбатов. Г. Л. Образование Византии. Территория, Природные условия, население. // История Византии: в трех томах. Том I. / Отв. ред. тома З. В. Удальцова. – Москва: Наука, 1967. С. 66–75.

Принятые сокращения:

RIC - The Roman Imperial Coinage

- The Roman Imperial Coinage. Vol. III: Antoninus Pius to Commodus, AD 138–192 By H. Mattingly and E. A. Sydenham. London: Spink & Son, 1930.
- The Roman Imperial Coinage. Vol. Vb: Marcus Aurelius Probus–Maximian, AD 276–310. By Percy H. Webb, London: Spink & Son, 1933.
- The Roman Imperial Coinage. Vol. IX: Valentinian I-Theodosius I, AD 364–395. By J. W. E. Pearce. London: Spink & Son, 1951.
- The Roman Imperial Coinage. Vol. X: The Divided Empire, AD 395–491. By J. P. C. Kent, London: Spink & Son, 1994.

DOC - Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Volume 1: Anastasius I to Maurice, 491–602. By A. R. Bellinger, Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1966.

Риторика в автобиографических текстах политиков на примере "Размышлений" Марка Аврелия и "Земли обетованной" Барака Обамы

Риторика не переставала быть объектом многих исследований, каким остается и по сей день. Прогресс меняет наше общество, стирая, казалось бы, все следы древних цивилизаций. Однако, при детальном рассмотрении обнаруживается, что древнегреческая риторика все еще активно и эффективно применяется в современных текстах и речах. Инструменты, используемые политическими деятелями, оказывают определенное влияние на их восприятие читательской аудиторией, мнение о них населения, весь их общественный образ в целом.

Цель моего доклада – выявить инструменты риторики в дискурсе политиков. Для этого пристальное внимание я уделяю «Размышлениям» Марка Аврелия и недавно опубликованной автобиографии Барака Обамы «Земля обетованная». На материале двух текстов – античного и современного – я исследую и сопоставляю основные риторические приемы, на основе которых вырастают эти тексты. В качестве основных задач – выявление схожих фрагментов, места их употребления, параллелей, цели изложения и возможного влияния на создаваемый образ политика в общественном сознании.

«Размышления» (или «К самому себе», или «Наедине с собой») Марка Аврелия – это сборник афористических мыслей в 12 книгах. Они были написаны на койне – диалекте греческого языка, в период второй софистики, когда интерес к греческой культуре был в своем расцвете. Марк Аврелий, как один из поздних представителей второй софистики, увлеченный греческой

мыслью, своими текстами будет так или иначе косвенно отсылать нас к традиции ораторского искусства.

«Размышления», были написаны Марком Аврелием для самого себя, но уже долгое время ведутся споры относительно жанровой принадлежности и аудиторной направленности данного памятника литературы. «Размышления», как принято считать, можно отнести к записным книжкам, которые не должны были публиковаться. Однако, многие исследователи не согласны с этим. Ян Унт в своей статье приводит несколько версий: «Размышления» могут быть фрагментами законченного или незаконченного произведения, либо сборником материалов для философского трактата; существует гипотеза, что Марк Аврелий сам опубликовал свои записи, и что, предположительно, они были написаны для читателя (Унт 1985. С. 95). На эту же тему рассуждает С. Н. Кочеров, упоминая, что «Размышления» относят к жанру диатрибы (проповедь) или парэнезы (увещевания), что само под собой предполагает наличие диалога (Кочеров 2016. С. 3), а как известно, Марк Аврелий обучался диалогу у своих наставников. Это возвращает нас к предположению, что «Размышления» написаны для публики. И, пускай, форма наставления «учитель-ученик», по словам С. Н. Кочерова, в данном случае обращена к своему «разуму», нам интересен именно факт присутствия диалога.

Это первое, из чего можно заключить, что «Земля обетованная» Б. Обамы схожа с «Размышлениями», поскольку очевидно, что Б. Обама изначально предполагал опубликовать свои мемуары и ориентировался на своего будущего читателя. При более внимательном чтении становится видно, что сходств имеется еще больше. То, что называют «инвентарем благодарностей», адресованным своим наставникам, имеется у Марка Аврелия в лаконичной форме в первой книге, есть и у Б. Обамы в первой главе. Марк Аврелий выражает благодарность своим учителям, предкам, отцу за то, каким он стал. Мы видим, что благодарен он преимущественно за духовные «наставления». Как, например, в этой части: «[Император

Септимий] Север воодушевил меня любовью к семье, к друзьям и домашним, любовью к правде и справедливости. Он раскрыл мне образец такого общественного порядка, в котором закон совпадал бы со справедливостью, и все граждане были бы равны перед законом...» (Марк Аврелий 1985. 1, 11). Нечто похожее мы находим и в «Земле Обетованной» - наставлении матери, оканчивающееся риторическим вопросом (*здесь и далее будет представлен мой перевод текста Барака Обамы – М.М.*): «(...) В мире есть люди, которые думают только о себе. Им все равно, что происходит с другими до тех пор, пока лично у них все хорошо (...) А есть люди, которые могут понять, что чувствуют другие, и пытаются никак никому не навредить. Так каким человеком хочешь быть ты?» (Обама, 2020. С. 17). Здесь можно отметить не только схожесть наставлений, но и положительные качества, которые создают определенный образ будущего политика, коему обязательно должно быть свойственно чувство справедливости и любовь к окружающим. Это лишь один пример из многих в отношении структурного построения автобиографии. Первая книга Марка Аврелия часто рассматривается как наиболее личная, написанная для близкого круга, с чем я не могу согласиться, поскольку это так же важная часть для читателя – становление правителя, которое мы можем видеть и у Марка Аврелия, и у Б. Обамы.

В обоих текстах есть похожие по смысловому содержанию фрагменты. Прежде, чем приступить ко второй книге, которая разительно отличается от «личной» первой, Марк Аврелий дает наставление правителю: «(...) Если я вдобавок еще помню и то, как близок мне всякий человек не по плоти и крови, а по духу, (...) то я не могу сердиться или негодовать на настолько близкое мне существо, ибо мы сотворены друг для друга, призваны помогать друг другу» (Марк Аврелий 1985. 1, 15). В начале первой главы Б. Обама в художественном стиле описывает свое утро: «Я бы помахал охранникам в униформе за стеклянной дверью (...). Если бы у меня было время, я бы пожал им руки и спросил, откуда они» и позже, говоря о садовниках, работающих в Саду Роз: «Если бы я не опаздывал, я бы остановился, чтобы отметить

свежие посевы или спросить, как сильно пострадал сад от ночной бури». Этот отрывок можно трактовать в смысле справедливого отношения к простым рабочим, как к равным. В философии Марка Аврелия все люди – существа близкие друг другу по духу, они обязаны помогать друг другу. Воплощение этой идеи мы видим в тексте Б. Обамы.

Таким образом можно найти много параллелей между двумя текстами. Они схожи по жанру, структуре и смысловому содержанию. Те качества, о которых писал Марк Аврелий воплощаются в образе, который нам представляет Б. Обама.

Разговор о риторике, конечно, скорее всего отошлет нас к Древней Греции, где, как известно, она зародилась. В частности, к Аристотелю и его «Риторике», поэтому, полагаю, ожидаемо найти там связь с изучаемыми текстами. Таково, например, понимание блага: «(...) благо было определено у нас как нечто такое, к чему все стремятся, откуда большее благо будет то, к чему люди больше стремятся» (Аристотель 2019. 7, 1365a). Понимание блага как того, к чему стремятся все может вновь сказать нам о справедливости и равном отношении ко всем. Заключая в свои слова подобный смысл, оратор, в нашем случае политик, может вызвать расположение людей к себе. Это позволяет рассуждать об актуальности и эффективности античной риторики, поскольку в обоих текстах можно найти ее отголоски.

В результате сопоставительного анализа я прихожу к нескольким выводам: 1. Античный текст «Размышлений» и современный текст «Земли обетованной» схожи не только применяемыми инструментами риторики, но даже структурно (в обоих материалах присутствуют одинаковые по смысловому содержанию части). 2. Оба текста призваны создать одинаковый положительный образ политика. 3. Древнегреческая риторика и по сей день эффективна и современна (о чем может сказать ее появление в политических текстах многих политиков наших дней).

Список источников и литературы:

Источники

- Обама, В. Н. A Promised Land. – New York: Crown, 2020. – 902 p.
- Аристотель. Риторика / пер. с греч. М. Платоновой. – М: Эксмо, 2019. – 256 с.
- Марк Аврелий Антонин, «Размышления» / под ред. А.И. Доватура, А.К. Гаврилова, Яна Унта. – Ленинград: «Наука», 1985. – 256 с.

Литература

- Кочеров, С. Н. Стоический оптимизм Марка Аврелия // ΣΧΟΛΗ (Schole) Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 559–570.
- Унт Ян, «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник // Марк Аврелий Антонин «Размышления». – Л: Наука, 1985. – С. 94-115.

Религиозный выбор Константина Великого

Влияние, оказанное Константином Великим на историю не только римскую, но и общеевропейскую, сложно оценить, не преуменьшив его значение. Ключевыми датами его правления стали 313 год, Миланский эдикт, провозгласивший веротерпимость на территории империи, и 337 год, когда Константин первым из римских *dominus*'ов принял христианство. После этих двух событий, исключая недолгие эпизоды, римская история становится христианской.

Церковные писатели воспринимали Константина как христианского правителя уже с самого начала его деятельности: «βασιλέα ... εὐσεβῆ» (Euseb. HE. IX. 9. 1) («набожный царь»). В 313 году вместе с соправителем Лицинием они заключают соглашение, Миланский эдикт – указ, установивший веротерпимость в империи. После этого Константин первым из римских августов начинает активно вмешиваться в христианские религиозные споры (Vict. XLI. 12), стремясь создать единую церковь для стабилизации государства.

Август активно поддерживал церковь, для чего даровал ей многочисленные привилегии и жертвовал крупные суммы денег. Исследования М. Хамфриса и А. Х. М. Джонса подтверждают, что Константин также спонсировал строительство многочисленных церквей как на западе (Humphries 2018. С. 70), так и на востоке (Джонс 1997. С. 68). Отдельно можно отметить, что отмена распятия (Vict. XLI. 4.) как традиционного способа казни тоже говорит нам о его желании улучшить отношение церкви к себе. При Константине епископы впервые получили право отпускать рабов на волю и делать их римскими гражданами (Джонс

1997. С. 68); имели право вмешиваться в юридические споры в качестве арбитров; были освобождены от финансовых обязательств (Humphries 2018. С. 71). Земли и имущество, конфискованные во время «Великого гонения», также возвращались христианам (Euseb. HE. X. 5. 9, 11).

Ближе к концу своего правления Константин активно выступал против традиционных язычников: в письмах к правителям провинций он посылал «поучение об идолопоклонническом заблуждении», убеждая «признать Бога всяческих и совершенно присоединиться к Христу Его, Спасителю» (Euseb. VC. II. 47-48.); август выступил инициатором уничтожения некоторых языческих храмов и святых мест: храмов Афродиты в Иерусалиме (Euseb. VC. III. 36.), Асклепия в Эгине (Euseb. VC. III. 56.), Афродиты в Гелиополисе (Euseb. VC. III. 58.) и прочих. Стоит отметить, что «повсеместного уничтожения храмов, капищ и идолов», как об этом писал Евсевий, не было, и Константин, расширяя права христиан, запретил им при этом притеснять язычников (Джонс 1997. С. 69).

Несмотря на все вышесказанное, нет единого мнения о том, стало ли христианство при Константине доминирующей силой, и можно ли называть его прохристианским правителем. М. Хамфрис считает, что религиозная политика августа была продиктована лишь духом времени и желанием императора сохранить и укрепить государство (Humphries 2018. С. 73). Таким образом, его политика могла основываться не на личных взглядах и предпочтениях, а была подчинена *res publica* как общему благу. Стоит учитывать и тот факт, что масштаб «благодеяний» императора, описанный тем же Евсевием, может быть сильно преувеличен. А.Х.М. Джонс (Джонс 1997. С. 62) и Ч. М. Одаль (Odahl 2004. С. 100) считали по-другому: в их представлении Константин уже после Мульвийского сражения стал «христианским царем», четкой целью которого было установление и усиление новой религии. В. В. Болотов поддерживает точку зрения Евсевия, полагая, что Константин перешел в христианство сразу после знамения перед битвой у Мульвийского моста (Болотов 1907. Т. 3. С. 8-10). Мне

представляется, что Константин действительно был лишь прагматичным правителем, который, испытывая как определенные философские, так и мирские симпатии к христианству, все же воспринимал эту религию лишь как инструмент для укрепления своей власти и консолидации государства после череды внутренних войн.

Интересным является предположение о том, что Константин в определенной степени отождествлял Христа с Sol Invictus, называя его на монетах «Comes Augusti» («Спутник Августа») (Джонс 1997. С. 62). Таким образом, «христианская политика» Константина может объясняться тем, что он хотел включить Христа в религиозную систему язычества, как в римской истории было уже не раз: отождествление иноземного бога с римским не является чем-то исключительным. Не стоит забывать и о том, что dies natalis Solis Invicti был в тот же день, что и у Христа, 25 декабря. Можно предположить, что Константин таким образом старался «переманить» Христа на сторону Рима.

Учитывая, что начавшийся еще при Аврелиане переход от политеистической системы к монотеистической совпадает с экспансией христианства, политеизм, приближенный к демократическому макрокосмосу античного человека, при доминате изживает себя, не подходя для «мировой империи». В то же время христиане с «Тысячелетним царством» действительно могли в определенной степени привлекать Константина, увидевшего в Иисусе инструмент идеологической легитимации своего правления.

Тем не менее, окончательный выбор Константина не оставляет сомнений. Важным шагом к укреплению позиций христианства было основание Константинополя, который стал центром новой религии, не имея ничего общего со Старым Римом: в нем не нашлось места для язычества (Euseb. VC. III. 48.). В городе было построено множество храмов, а над входным портиком в дворец Константин повелел изобразить себя,

пронзающего дракона-дьявола христианским штандартом (Odahl 2004. С. 177).

Венцом религиозной деятельности Константина стал созванный по его указу в 325 году первый Вселенский собор, главным поводом для проведения которого стало распространение еретических течений, самым крупным из которых стало арианство. «Этот пожар истреблял уже и прочие епархии и города» (Euseb. VC. II. 61.). Беспорядки, вызванные арианским расколом, приводили и к намеренному осквернению изображений императора (Euseb. VC. III. 4.), что было тяжелейшим преступлением. Собор состоялся 20 мая, и Константин принимал в нем большое участие, убедив всех в верности именно его взглядов (Euseb. VC. III. 14.). Собор принял предложенный Константином Никейский символ веры, ариане были осуждены, а их книги сожжены.

В конце жизни императора крестил Константинопольский архиепископ Евсевий Никомедийский, что дало отчет новой эпохе имперской истории – христианской. Несмотря на свою религиозную политику, про отношение обычных римских граждан к августу красноречиво написал Аврелий Виктор: «На памяти моей Константина, хотя ему и так высказывались всякие почести, всеобщие молитвы возносили до самих звезд» (Vict. XL. 14). Современники Константина придерживались схожего мнения: «человек неопиcуемый, стремящийся совершить все, что можно» (Eutrop. X. 5.).

Список источников и литературы:

Источники

- Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lat. und Dt. und mit einem Kommentar vers. von W. Seyfarth. In 4 Teilen. Berlin, 1986-1988.
- Aurelius Victor. Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae. Subsequitur epitome de Caesaribus / Rec. Fr. Pichlmayr. Lipsiae, 1966.

- Eusebius of Caesarea. *Historia Ecclesiastica*. Vol 1-2 / Ed. by Kirsopp Lake, J.E.L. Oulton. H.J. Lawlor. William Heinemann; G.P. Putnam's Press; Harvard University Press. London; New York; Cambridge, Mass. 1926-1932.
- Eusebius, *Life of Constantine* / Ed. by A. Cameron et Stuart G. Hall. Oxford: Clarendon press, 1999.
- Eutropius. *Eutropii Breviarium ab urbe condita* / Rec. Fr. Ruehl. Lipsiae, 1901.

Литература:

- Болотов. В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. 3. СПб.: тип. М. Меркушева, 1907.
- Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Humphries. M. *Christianity and Paganism in the Roman Empire, 250–450 ce* // *A companion to Religion in Late Antiquity*/ed. by J. Lössl and N. J. Baker-Brian. Wiley Blackwell, 2018.
- Odahl Ch. M. *Constantine and the Christian Empire*. London-New York: Routledge, 2004.

Малькова Анна
РАНХиГС, аспирантка направления
подготовки «Всеобщая история»

Образ конунга в «Пряди о Норна-гесте»: историзация эпоса.

«Прядь о Норна-гесте» интересный образец средневековой исландской литературы. Она сохранилась в составе «Большой саги об Олаве Трюггвассоне» (2 редакции из 3), составленной на рубеже XIII–XIV веков и выпадающей из общего ряда королевских саг по причине незначительного количества следов индивидуального авторства (Джаксон 2009. С. 83), сама прядь занимает промежуточное положение между «прядами о крещении» и «сагами о древних временах». Также в пряди прослеживается влияние древнеанглийской поэзии и латинских «exempla» (Гуревич 2014. С. 74 – 85). Влияние собственно скандинавской литературной традиции прослеживается в тексте пряди, как в виде цитирования эддического цикла о Сигурде и «Саги о Рагнаре Лодбroke», так и в виде влияния более ранних вариантов саг о королях-крестителях – Олаве Трюггвассоне и Олаве Харальдссоне (Harris, Hill 1989. P. 106 – 110).

Прядь сохранилась в трех редакциях: А – в качестве отдельного рассказа в рукописи Gks 2845 4to, датируемой XV веком, F – прядь в составе «Большой саги об Олаве Трюггвассоне» в «Книге с Плоского Острова», датируемой последней четвертью XIV века, и редакция S, сохранившаяся в фрагменте той же саги в рукописи AM 62 fol, которая относится к середине XIV века (Гуревич 2011. С. 175 сноска).

Как следует из датировки самой пряди и перечня повлиявших на нее литературных жанров, автор пряди в значительной степени опирается на

письменные источники, и текст пряди лишь частично восходит к устной традиции (Гуревич 2011. С. 189–195).

Привлечение столь широкого перечня источников способствует выстраиванию нарратива, составляя который, автор пряди решает сразу несколько задач: во-первых, это определение места Сигурда и его эпохи на хронологической шкале – эту задачу составитель пряди решает в главе, описывающей смерть Геста (Гуревич. 2011. С. 174). Таким образом эпический герой включается в общий исторический контекст, становится, в некотором роде, историческим лицом. Во-вторых, составитель пряди показывает, что конунг Олав Трюггвассон и его дружинники связаны узами преемственности с героями языческой древности – он делает это через фрагменты пряди, повествующие о запыстье «Хнитуд» и спорах вокруг него (Мировое древо №18. 2011. С. 153–166). В-третьих, автор пряди при помощи крещения Геста, которому предшествует диалог Геста и Олава о том, при дворе какого из конунгов ему больше всего понравилось, предпринимает попытку показать, что Олав стоит в одном ряду и с христианскими королями Франкии (в частности, Людовиком Благочестивым, у которого Гест и принимает *prima signatio*), которые, в свою очередь, утверждали, что миссия их королевства – расширение границ христианского мира и спасение душ язычников (Сидоров 2019. С. 5–21).

В итоге, в рамках нарратива пряди рождается образ конунга, сочетающий в себе черты эпического героя и исторического лица, признающий свою преемственность с великим прошлым, но все же не отступающий от своей миссии, совершаемой во имя вечной жизни в будущем.

Список источников и литературы

Источники

- «Прядь о Норна-гесте» пер. с древнеисландского, комментарии и послесловие Е.А. Гуревич // Мировое древо №18. 2011. С. 151–198

Литература

- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. 2009 – 384 с.
- Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники. / Состав. и общ. ред. А. И. Сидоров – СПб.: Евразия, 2019. - 512 с.
- Гуревич Е. А. Гость из стародавних времен: фигура рассказчика и отношение к героическому прошлому в «Пряди о Норна-гесте» // Обретенное время: сборник трудов памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. М. 2014. С. 74–85.
- Harris J., Hill Th. D. Gestr's 'Prime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þátttr // Arkiv för Nordisk Filologi. 1989. T. 104. P. 103-122

Эмоции и эмоциональные сообщества в «Cantigas de Santa Maria»

Альфонсо Х

История эмоций – одно из наиболее перспективных и бурно развивающихся направлений в современной историографии. Под влиянием работ Уильяма Редди (Reddy 2001) и других исследователей внимание к социальной стороне эмоций занимает важную роль в исторических исследованиях. Заметный вклад в этом вопросе принадлежит Б. Розенвейн, которая разработала понятие «эмоциональное сообщество» (Rosenwein 2002, 2006) – это некая система эмоциональных связей между людьми, которые включает в себе то, как они определяют и расценивают ценное или вредное для себя; оценки, которые они дают чувствам других; характер аффективных связей между людьми (Rosenwein 2006, P. 2).

М. Рубин, исследовавшая образ Девы Марии в XI-XV вв. как средство формирования европейской религиозной идентичности, использует понятие «эмоциональные сообщества», предложенное Б. Розенвейн, для описания совместного переживания христианского учения через почитание Богоматери (Rubin 2009). Эти «эмоциональные сообщества» создавались в первую очередь с помощью текстов и изображений, подчеркивающих сугубо человеческие, эмоциональные отношения между Богоматерью и ее Сыном (Fulton 2002; Vandenbroucke 1968. P. 243 and ff). Рассказы о чудесах Богородицы, ставшие очень популярными с XI-XII вв., занимают немаловажную роль в этом процессе. В них значение эмоций очень велико. Более того, по словам А. Я. Гуревича, в «примерах» эмоции Христа и Богородицы «чрезвычайно близки повадкам и чувствам людей, к которым

обращена проповедь. Неизмеримая дистанция, отделяющая верующего от бога или святого, странным образом преодолевается» (Гуревич 1989. С. 30).

Богатый потенциал средневековых сборников чудес Богородицы для исследования эмоций привели исследователей к изучению эмоциональной лексики в «Cantigas de Santa María» (González Martínez 2015, 2016, 2017; Lebrero Cocho 2016) – возможно самого большого сборника чудес Богородицы в Средние века, собранного по инициативе Альфонсо X Мудрого, короля Кастилии и Леона в 1270-1284 гг. М. Рубин утверждает, что «Кантиги о святой Марии» были средством, которым Альфонсо X старался объединить все многообразие его подданных, многие из которых были недавно присоединены к христианскому миру в результате «Реконкисты» (Rubin 2009. Р. 60). Создание эмоционального сообщества вокруг Девы Марии – квинтэссенции христианской жизни (Rubin 2009. Р. 47) – способствовало, таким образом, единению христиан в его королевстве.

Действительно, применение этого подхода позволяет выявить двойную цель кантиг: прославлять Богородицу и, одновременно, подталкивать людей к служению Ей, создавая для них конкретные *модели поведения*. Более того, «эмоциональное сообщество» Девы Марии в «Кантигах» создается не только за счет морально-нравственных уроков, содержащихся в рассказах, но также посредством *перформативного характера* кантиг. Роскошные миниатюры, инструментальное сопровождение, мелодия с повторяющимся припевом и, возможно – как подсказывают миниатюры и текст кантиг – даже танцы, были призваны помочь слушателям переживать события, принимать участие в них (Wright 1999; Keller 1987). Этот призыв то и дело становился эксплицитным через постоянные приглашения прославить Богородицу и благодарить Бога, вновь и вновь повторяющиеся в многочисленных кантигах.

Не чужды кантигам и политические мотивы, связанные с образом короля Альфонсо X, его власти и политики (Kleine 2013, Snow 2016–2017). В «Кантигах» Альфонсо оказывается особым – эмоциональным – образом связан с Богородицей, которая поддерживает его и оказывает милость. Один

исследователь удачно назвал «Кантиги» «поэтической биографией» Альфонсо (O'Callaghan 1998). А по мнению Сноу, героя кантиг два – Мария и Альфонсо (Snow 1979). Таким образом, эмоциональное переживание «кантиг» было призвано укреплять помимо прочего связь подданных с монархом и добавлять легитимности его власти и политике. Хорошим примером могут служить многочисленные негативные упоминания мавров и евреев, которые создавали мрачный образ этих групп, как врагов Бога, Богородицы и всех христиан (Rubin 2009. P. 45-78; Patton 2008; Fidalgo Francisco 1996). Некоторые исследователи склонны видеть в этом стремление короля Альфонсо X (который продолжает уже существовавшую с XII в. традицию) укреплять христианскую идентичность его королевств, через создание образов «своих» – христиан, и «чужих» – мавров и евреев (Patton 2012). Эти негативные образы не лишены эмоциональной окраски, которую приносят как ужасающие действия этих персонажей, так и лексика, которой они описываются, а также большая экспрессивность миниатюр.

Таким образом, применение теории «эмоциональных сообществ» к изучению «Кантиг о святой Марии», на наш взгляд, может способствовать более глубокому пониманию целеполагания Альфонсо X при создании произведения.

Список источников и литературы

- Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. *Exempla* XIII в. М., Искусство, 1989.
- Fidalgo Francisco E. Consideración social de los judíos a través de las Cantigas de Santa Maria // *Revista de Literatura Medieval*. 1996. № 8. P. 91-103.
- Fulton R. *From Judgment to Passion: Devotion to Christ and the Virgin Mary, 800–1200*. New York: Columbia University Press, 2002.
- González Martínez D. A expresión das emocións nas "Cantigas de Santa Maria" // *La expresión de las emociones en la lírica románica medieval* / coord. M. Brea López. Alessandria, 2015. P. 325-344.

- González Martínez D. La expresión de la ira en las Cantigas de Santa Maria // Aspectos actuales del hispanismo mundial. Literatura — Cultura — Lengua. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. P. 196-207.
- González Martínez D. Unha aproximación ás expresións do pracer nas Cantigas de Santa Maria // En Doiro antr'o Porto e Gaia. Estudos de Literatura Medieval Ibérica. Porto: Estratégias Criativas, 2017. P. 465-483.
- González Martínez D. Perigos e medos nas cantigas de Santa Maria. Do mar e dos seus tormentos // Revista de Literatura Medieval. 2016. Nº 28. P. 203-224.
- Keller J.E. The Threefold Impact of the Cantigas de Santa María: Visual, Verbal and Musical // Studies on the «Cantigas de Santa María»: Art, Music, and Poetry. 1987. P. 7–33.
- Kleine M. El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // De Medio Aevo 4 (2013 / 2). P. 1-42.
- Lebrero Cocho J. El miedo y otras emociones a través de "Las cantigas de Santa María" // El legado hispánico: manifestaciones culturales y sus protagonistas. 2016. Vol. 1. P. 163-183.
- O'Callaghan J. Alfonso X and the Cantigas de Santa María: A poetic biography. Leiden, 1998.
- Patton P. A. Art of Estrangement: Redefining Jews in Reconquest Spain. Penn State Press, 2012.
- Patton P. A. Constructing the Inimical Jew in the Cantigas de Santa Maria: Theophilus' Magician in Text and Image // Beyond the Yellow Badge: Anti-Judaism and Antisemitism in Medieval and Early Modern Visual Culture / ed. M. B. Merback. Leiden/Boston: Brill, 2008. P. 233-56 (text), 506-14 (plates).
- Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107, N 3. P. 821-845.

- Rosenwein B. H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca; NY.: Cornell University Press, 2006.
- Rubin M. *Emotion and Devotion. The Meaning of Mary in Medieval Religious Cultures*. Budapest; NY.: Central European University Press, 2009.
- Snow J. La utilización política de la devoción mariana en el reinado de Alfonso X, el Sabio (1252-1284). *Alcanate*. 2016-2017. N 10. P. 61-85.
- Snow J.T. The central rôle of the troubadour persona of Alfonso X in the *Cantigas de Santa Maria* // *Bulletin of Hispanic Studies*. 1979. N 56 (4). P. 305-316.
- Vandenbroucke F. *New Mileux, new problems. From the twelfth to sixteenth century* // *A History of Christian Spirituality. Vol. II The Spirituality of the Middle Ages*. London, 1968.
- Wright D. M. Verbal and Visual Contexts of Performance in the *Cantigas de Santa Maria* // *Grand Valley Review*. 1999. Vol. 20 (1). P. 76–89.

**«История против язычников» Павла Орозия как источник рассказа о
Юлии Цезаре во «Всеобщей истории» Альфонсо X Мудрого**

Этот доклад посвящен роли сочинения Павла Орозия «История против язычников» как источника рассказа о Юлии Цезаре во «Всеобщей истории» Альфонсо X Мудрого (1221-1284), короля Кастилии и Леона, целью которого было объединение под своей властью испанских средневековых монархий – Кастилии, Леона, земель Арагонской Короны, Наварры и Португалии, а в перспективе – и мусульманской Гранады (История Испании. С. 251). Этой цели служили все основные письменные труды, создававшиеся по приказу Мудрого Короля на кастильском языке, оттеснившего в этой роли латынь (Gómez Redondo 1998. P. 10; Безус 2016. С. 81–87). «Всеобщая история», наряду с «Историей Испании», занимают в этом контексте особое место (Salvo García 2014. P. 45).

«Всеобщая История» (в оригинале – Grand e General Estoria), создававшаяся Альфонсо X и его продолжателями вплоть до XV в., подразделяется на шесть частей (согласно схеме «шести возрастов» мира Исидора Севильского), последняя из которых так и не была завершена. Параллельно сложилось подразделение «Всеобщей Истории» на три части одинаковой длины. Первая часть охватывала первый, второй и начало третьего мировых возрастов, Вторая часть – половину четвертого и начало третьего и Третья часть – вторую половину четвертого, пятый и начало незавершенного шестого возрастов мира. Соответственно, исходя из соображений хронологии, рассказы о Юлии Цезаре включены в третью часть, в раздел, посвященный пятому возрасту, завершающемся Рождеством Христовым.

Конкретно речь идет о событиях Второй гражданской войны между Цезарем и Помпеем Великим (49–45 гг. до н.э.), - от Первого триумvirата (Цезарь-Помпей-Красс) до окончательного поражения помпеянцев в битве при Мунде (тем более, что место решающей битвы находится в Испании). Для рассказа об этом Альфонсо X и его анонимные соавторы использовали поэму «Фарсалия» Марка Аннея Лукана (39–65 гг. н.э.), «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, но главным источником раздела стала «История против язычников» позднеантичного христианского историка Павла Орозия (ум. в 420 г.). О ней и пойдет речь ниже.

Павел Орозий – уроженец Испании, христианский теолог и историк V в., автор «Истории против язычников». Этот труд должен был стать ответом язычникам, обвинявшим христианские времена в «необычайной жестокости». В противовес им Орозий критически рассматривает всю историю римского мира, охватив в своем сочинении все известное ему историческое пространство и время. Подобные попытки, отчасти, уже предпринимались христианами составителями хроник, но именно Орозий первый достиг литературного новаторства в написании мировой истории (Тюленев 2005. С. 283). Для своих целей Орозий использует, главным образом, античные источники – Светония (Oros. Hist.. VI.7.2; 21.25; VII.3.5; 6.10; 9.3), Тита Ливия (Oros. Hist. III.21.6; VI. 15.3; VII.2.11), Саллюстия (Oros. Hist. VI.6.6; 15.8; VII.10.4), и ряд других. В связи с этим, авторы «Всеобщей истории» воспринимали Орозия не только как самостоятельный источник, но и как источник информации о недоступных хронистам античных текстах. Именно поэтому именно к «Истории Орозия» наиболее часто применяется обобщенная ссылка “*estoria romana*” («римская история»). (GE. T.2. cap. 21 et al.)

Сюжет о Юлии Цезаре занимает ключевое место как в «Истории против язычников», так и во «Всеобщей истории», поскольку правление Юлия Цезаря знаменует конец республиканского Рима и начало Рима имперского. С приходом Юлия Цезаря Орозий связывает великие несчастья и

потери, с которыми столкнулся Рим накануне рождения Сына Божьего. Орозия было важно точно изобразить конкретные катаклизмы, войны и бедствия, которые выпали на долю Рима в период язычества. Он неоднократно подчеркивает тот факт, что, несмотря на поклонение великому множеству богов и соблюдение языческих ритуалов, Рим настигают внешнеполитические конфликты и неудачи во внутренней политике. Тем самым он подтверждает свою теорию о том, что покровительство языческим богам не влияет на благополучие Рима.

При составлении рассказа о Юлии Цезаре хронисты королевского скриптория заимствуют те фрагменты из труда Орозия, в которых отсутствуют дидактические наставления, описания и оценочные суждения автора. Они делают акцент на основополагающих событиях, следуя которым можно восстановить четкую внутреннюю и внешнеполитическую хронологию Рима. В своей трактовке римского прошлого Орозий выстраивает свою концепцию на идее о постепенной деградации истории по мере приближения к моменту Высшего Богоявления. Однако хронисты в этом отношении преследовали иные цели. Им было важно отобрать из «Истории против язычников» именно те факты, которые в наибольшей степени свидетельствовали о Цезаре как о выдающемся полководце и государственном деятеле. Именно поэтому были так подробно пересказаны (по существу – почти дословно переведены) сцены наиболее выдающихся битв – при Фарсале (48 г. до н.э.), при Мунде (45 г. до н.э.), завоевании Египта, подчинении Британии и др. Подробно описаны и действия Цезаря-администратора, в частности – по организации управления завоеванным Египтом. При этом, и описание образа Цезаря, и римские учреждения предельно «медиевализированы», приближены к представлениям человека кастильского Средневековья. Например, 16 глава «Всеобщей истории» в сообщении о правлении Юлия Цезаря посвящена торжественному приезду в Рим королевы и сеньоры Клеопатры. Хронисты в качестве источника указывают на «Фарсалию» Лукана, однако при сравнении выяснилось, что

данный сюжет не принадлежит античному поэту. Проанализировав возможные источники, некоторого рода упоминания о приезде в Рим Клеопатры я нашла у Павла Орозия в шестой книге. Хронисты значительно обогатили исходный текст деталями и в подробностях описали официальный прием Клеопатры. Важной частью в этом сюжете является отсылка к западноевропейской средневековой церемонии *officium stratoris*, когда Юлий Цезарь спешивается и сопровождает королеву в Рим, взяв за узду ее коня. Такой жест носит чисто средневековый характер и обозначает акт признания светским правителем своего вассалитета по отношению к другому. Таким образом отношения Цезаря и Клеопатры определяются как отношения между сеньором и вассалом, получавшим от сеньора феодальные владения на правах держаний.

В конечном итоге, составители «Всеобщей истории», использующие сочинение Орозия в качестве образца, точно также, как и этот историк, ведут поиски первопричин событий и стараются создать текст, который описывает наиболее важные факты из мировой истории. Желание упомянуть как можно больше информации и сведений сосуществует с жесткой селекцией материала. Прямое заимствование у Павла Орозия носит точечный характер и касается фактов, в наибольшей степени отражающих могущество имперского Рима.

Литература

- История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012. - 251 с.
- *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol. 1. Madrid: Catedra, S.A., 1998. – 152 p.
- *Безус С. Н.* От латыни к романсе: альфонсийская норма национального языка средневековой Испании // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. №11 (65). С. 81-87.

- *Salvo García I.* Ovidio y la complicación de la General Estoria. URL: <https://www.cairn.info/revue-cahiers-d-etudes-hispaniquesmedievales-2014-1-page-45.htm> (дата обращения: 03.04.2021).
- *Тюленев В. М.* Рождение латинской христианской историографии. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. — 288 с.

Принятые сокращения

GE – Alfonso X el Sabio. General Estoria. Parte V-VI. T. 2: Farsalia. Mandato de Julio César. Mandato de Octavio Augusto. Sexta Parte / Ed. de P. Sánchez-Prieto Borja, B. Almeida. Madrid: Biblioteca Castro. Fundación José Antonio de Castro, 2009. – 881 p.

Oros. Hist. – Paulus Orosius. Historiarum adversum paganos Libri VII / Ed. C. Zangemeister. Lipsiae: Teubner, 1889. – 371 p.

**Описание Иерусалима в кастильской хронике конца XIII — начала XIV
вв. «Великое завоевание в заморских землях»**

История Крестовых походов не заканчивается с прекращением походов на Палестину, идея их остается популярной до конца Средневековья и присутствует не только в политической и религиозной сферах, но и в культурной. Идея отвоевания Святой Земли получила отражение в кастильской хронике конца XIII – начала XIV вв. «Великое завоевание в заморских землях». В своем докладе я постараюсь показать это на примере описания Иерусалима в указанном источнике.

Использованная мной анонимная хроника (оригинальное название: «*Gran Conquista de Ultramar*»), написанная на средневековом кастильском языке, является переложением старофранцузского пересказа известной крестоносной латинской хроники Вильгельма Тирского «История деяний в заморских землях» (оригинальное название: «*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*»), до XVI в. включительно дополнявшегося другими текстами, включая кастильские версии ряда известных рыцарских романов (Bautista 2005. P. 34). Сам факт того, что латинское сочинение было последовательно переведено на два языка и дополнено новыми текстами, демонстрирует, что идея и образ Первого Крестового похода были востребованы в средневековом обществе рубежа Высокого и Позднего Средневековья. Кастильскую хронику использовали, как книгу для чтения, содержание которой слушали по вечерам в свободное время: как известно, в средневековом обществе далеко не все умели читать, даже в среде знати.

Первая редакция кастильской версии составлена между 1291 и 1295 гг. и состоит из четырех книг. Описание Иерусалима помещено в третью книгу, наиболее ярко и полно отражено в главах: 1, 3–6. Оно сопровождает рассказ о Первом Крестовом походе и взятии Священного города. В первой книге содержится предыстория Первого крестового похода, «История рыцаря Лебедея», начало жизнеописания Готфрида Бульонского; во второй – захват Антиохии; а в четвертой – смерть Балдуина Фландрского; история последних королей Иерусалима и следующих крестовых походов. В докладе я буду ссылаться на издание 1858 г., подготовленное известным испанским историком Паскуалем де Гаянгос-и-Арсе (1809–1897), которое отражает наиболее раннюю версию текста.

Несмотря на то, что кастильская хроника «Великое завоевание в заморских землях» была написана семь веков назад и получила широкое распространение в свою эпоху (о чем свидетельствует наличие большого количества рукописей), она все еще довольно плохо изучена, как в отечественной науке, так и в зарубежной. (Rodríguez Velasco 1997. P. 328-329). Между тем, это весьма интересный и значимый памятник, и мой доклад призван хотя бы в малой степени заполнить эту лакуну.

Переходя к основной части, отмечу, что в кастильской хронике подробным образом представлено географическое расположение Иерусалима и его климатические особенности, поскольку христианское войско ориентировалось на них при составлении планов по захвату Иерусалима. Также, автор хроники упомянул предыдущие названия Иерусалима и кратко рассказал историю его формирования. Хронист отмечает, что изначально город носил имя Шалем, а затем Иевус (Gran. Conqu. Ultram. III. 3). В период правления царя Давида из Иерусалима были изгнаны Иевусеи, и город заметно вырос. Свое современное название город получил при Соломоне, сыне Давида. Также в хронике встречаются такие знаменитые объекты, как башня Давида, Иосафатова долина, где находится церковь, в которой была погребена святая Мария, Акелдама, Кедронский поток, через который

перешел Иисус Христос (Gran. Conqu. Ultram. III. 3), гора Голгофа, храм Соломона (Gran. Conqu. Ultram. III. 4). Особое внимание хронист уделил церкви Гроба Господня, ее описание было помещено в отдельную главу. Когда христианские воины подошли к Иерусалиму, они изучили все входы в город, чтобы выбрать наиболее подходящее место для начала наступления. Названия этих входов отразились и в самой хронике (Gran. Conqu. Ultram. III. 1, 5, 7, 12.).

В Святой Земле крестоносцы столкнулись с острой проблемой – нехваткой воды. В поисках нее они были вынуждены исследовать территорию вокруг города. Поэтому в кастильской хронике можно встретить описание альджибов и названия источников, протекающих рядом с Иерусалимом или в нем. Например: Гион, Силоамский родник, Овечья купальня (Gran. Conqu. Ultram. III. 6). Также, автор кастильской хроники вставил в свой текст различные сюжеты из Священного Писания, связанные с описанными им объектами. Следовательно, автор был хорошо осведомлен в вопросах религии и использовал библейские тексты в качестве источников для своего сочинения.

В кастильской хронике Иерусалим предстает идеальным городом, ради отвоевания которого крестоносцам не жалко ни собственных жизней, ни, тем более, жизней местного населения (включая женщин и детей). Идеальное начало всегда занимало центральное место в идеологии крестовых походов. Относительно восприятия образа Иерусалима можно провести параллель с тем, как этот город описан в Откровении Иоанна Богослова (также известного как Апокалипсис), завершающей части Нового Завета. В обоих текстах – и в Откровении, и в средневековой хронике, – превозносятся божественное начало, красота и величие Священного Города, сошедшего с самого неба. Земля, на которой он стоит, считалась лучшей во всем мире, она изобиловала всем необходимым для жизни (Gran. Conqu. Ultram. III. 1) и была приготовлена, «...как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2).

Хронист подчеркивает, что сердца христиан были воспламенены желанием свершить дело Божие (Gran. Conqu. Ultram. III. 14), которое заключалось в том, чтобы изгнать из Иерусалима неверных. «Боязливых же и неверных <...> участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21:8). Христиане не жалели сил, чтобы подготовить все необходимое для завоевания города. Они трудились день и ночь, доставляли дерево, которого было очень мало в тех местах, строили осадные орудия, необходимые для их Священной цели, и не было среди крестоносцев никого, кто бы считал для себя зазорным заниматься этими делами (Gran. Conqu. Ultram. III. 14).

Важно отметить, что в кастильской хронике в описании Иерусалима встречаются термины и изобретения, появившееся уже после Первого Крестового похода. Повествуя об оборонительных сооружениях, имеющихся на башне Давида, автор хроники упоминает барбаканы (Gran. Conqu. Ultram. III. 4, 12). Но данный вид оборонительных сооружений появился лишь около XIII в. (Контамин 2001. С. 122), таким образом, хронист вносит культуру и достижения своей эпохи в описание Иерусалима XI в.

В дальнейшем я собираюсь развить эту тему в своей курсовой работе, которая посвящена Первому Крестовому походу в целом. На следующих курсах моего обучения я хотела бы сравнить латинский, кастильский, а в идеале и старофранцузский тексты, чтобы понять, что привнесли от себя более поздние хронисты, и какие части оригинального текста они исключили. Также, я хотела бы исследовать рукописную традицию более тщательно, в том числе изображения, посмотреть, как они соотносятся с текстом и с аудиторией памятника.

Список источников и литературы:

Источники

- Pascual de Gayangos. Gran Conquista de Ultramar. Madrid: M. Rivadeneira, 1858. 683 p.

- Откровение Иоанна Богослова // URL <http://www.patriarchia.ru/bible/rev/>
(дата обращения: 31.02.2021)

Литература

- Bautista F. La Composición de la Gran Conquista de Ultramar. Revista de Literatura Medieval, XVII, 2005. P. 33-70.
- Rodríguez Velasco. J. D. Romance Philology. Vol. 50. No. 3, 1997 P. 328-346.
- Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.

Принятые сокращения

Gran. Conqu. Ultram. – Gran Conquista de Ultramar. Madrid: M. Rivadeneira, 1858. P. 683.

Откр. – Откровение Иоанна Богослова.

**Финансовая политика Католических королей в ходе Гранадской войны
(1482–1492) по данным «Хроники сеньоров католических королей»
Фернандо дель Пульгара**

Гранадская война (1482–1492) стала крупнейшим военным предприятием за весь период правления Католических королей. Масштабность задуманного проекта вынуждала Изабеллу Кастильскую и Фердинанда Арагонского искать новые источники дохода, поскольку регулярных поступлений в казну было недостаточно для успешного ведения войны. Основным источником для настоящего доклада стала «Хроника сеньоров католических королей» придворного хрониста и секретаря Изабеллы Кастильской Фернандо дель Пульгара (ок. 1430–1492). Среди прочего, хронист пишет, что король и королева вошли в крупные расходы, когда платили вознаграждение лицам, державшим от них земли, и жалование воинам, беспрестанно несшим службу. Кроме того, они должны были содержать большой флот, а также тратили средства на усиление артиллерии и на обеспечение продовольствием, деньгами и землей всех воинов (Pulgar F. Cron. Parte 3, cap. 14, 40, 64).

Итак, двумя основными источниками доходов на годы войны Пульгар называет ссуды у отдельных персон и выплаты от духовенства. Остановимся на каждом из них в отдельности.

Под 1483 г. Пульгар повествует о том, что Изабелла и Фердинанд «были вынуждены просить денег займы во всех королевствах у отдельных персон, которые могли бы предоставить им ссуду без весомого ущерба для их состояния <...>. И те, к кому они обращались с просьбой, давали им ссуду по доброй воле, приняв во внимание нужды, и кроме того, поскольку

казначей и сборщики податей и платежей убедили их в том, что долги будут выплачены в течение определенного срока» (Pulgar F. Cron. Parte 3, cap. 14). В 1486 г., по сведениям хрониста, уже не король с королевой просили денег у отдельных лиц, но, наоборот, потенциальные кредиторы сами шли к королям с предложением ссудить им денег (Pulgar F. Cron. Parte 3, cap. 64).

В дополнение к этому Католические короли также часто обращались к нескольким европейским банкам за краткосрочными и среднесрочными кредитами (Sanchez, Zamora 2013. P. 476). Далее, королева Изабелла ввела в Кастилии еще одно средство получения краткосрочных кредитов, которое в Арагоне практиковалось с начала XV в., – торговлю векселями (в большинстве случаев с иностранными торговцами) (Quesada 1999. P. 143).

Подавляющую же часть средств Католические короли получили с церковей и духовенства. Итак, в тех же 1483 и 1486 гг. папы римские Сикст IV (в 1483 г.) и Иннокентий VIII (в 1486 г.) издали специальные буллы о крестовом походе, обязывавшие духовенство внести субсидию в размере 100 000 арагонских гульденов в пользу государства от всех рент церковей и монастырей, всеми священнослужителями (Pulgar F. Cron. Parte 3, cap. 14, 64). Папские буллы сыграли огромную, даже решающую роль в деле финансирования войны против Гранадского эмирата, собрав более 200 млн. мараведи (Sanchez, Zamora 2013. P. 477).

Помимо того, чтобы отчислять субсидии в пользу казны, духовенство должно было платить часть суммы с их церковных льгот, установленный королями с разрешения Папы римского (Rodriguez 2012. P. 218). Церковные взносы в пользу Кастильской Короны с помощью таких субсидий и сборов не были новым явлением для Кастилии и Леона, хотя предыдущие подобные случаи гораздо менее известны. Идея субсидии под названием “*decima*” получила начало в 1274 г. по решениям Второго Лионского собора, которые, среди прочего, требовали внести средства в пользу Святого Престола для покрытия расходов на крестовый поход. Возвращение Кастильско-Леонской

Короны к этой практике в конце XV в. позволило получить дополнительные доходы для этой цели (Rodriguez 2012. P. 219).

Помимо перечисленного, существовал постоянный церковный сбор – т.н. «королевская треть», составлявшая $\frac{2}{9}$ от церковной десятины. Этот платеж, как и *decima*, был также введен в период правления Альфонсо X (Quesada 1991. P. 100-101).

Помимо прочего, Католические короли обновили систему внеочередных доходов (“*ingresos extraordinarios*”), добавили несколько новых (взносы эрмандад городов в годы, когда не собирались кортесы (Peñas, Rodriguez 2014. P. 434), *bulas de cruzada*, продажа хурос* (“*juros*”), а также внеочередные взносы евреев и мудехаров, о которых будет сказано отдельно), а после завоевания Гранады казна пополнялась за счет средств и имущества с уже захваченных в войне территорий (Superbiola 1979. P. 252).

Как во время военных действий с Гранадой, так и после завершения войны имело место притеснение этно-религиозных меньшинств в королевствах Кастилии и Леона, нашедшее выражение в фискальном гнете. В частности, в 1485 г. евреи подверглись наказанию в виде взыскания, как бы для искупления тем самым своей вины перед Католической Церковью (Pulgar F. Cron. Parte 3, cap. 40). А в год захвата Гранады Католические короли обложили дополнительным платежом евреев и мавров по всей территории Кастилии и Леона (Sanchez, Zamora 2013. P. 476). Все эти действия, очевидно, были направлены сначала на финансирование войны, а после ее окончания – на погашение государственных долгов.

Таким образом, основным источником доходов на военные нужды была католическая церковь и выплаты от духовенства. Сюда входят и папские буллы, обязывавшие духовенство платить субсидии в пользу короны от всех рент церквей и монастырей, и платежи священников с их церковных льгот, и *decima*, и «королевская треть». В дополнение к этому Католические

* Предоставление капитала Короне в обмен на привилегию собирать часть определенных платежей с феодального дохода в пределах заранее определенной суммы.

короли брали краткосрочные и среднесрочные кредиты, занимались торговлей векселями и хурос, а также брали ссуды у отдельных лиц. Кроме того, Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский обложили евреев и мудехаров дополнительными поборами, а после завоевания эмирата казна пополнялась за счет средств и имущества с захваченных в войне земель. Все эти средства прибавлялись к регулярным поступлениям в казну, в числе которых различные виды платежей и взносы эрмандад городов.

Литература

- Galán Sánchez Á., Carretero Zamora J. M. Las políticas del gasto: el servicio del reino, el crédito y la deuda en Castilla, de los Reyes católicos a Carlos V // El alimento del Estado y la salud de la Res Publica: orígenes, estructura y desarrollo del gasto público en Europa. Madrid, 2013. P. 473-499.
- Peñas L. M., Rodríguez M. F. Las Cortes y la guerra // La guerra y el nacimiento del Estado Moderno: Consecuencias jurídicas e institucionales de los conflictos bélicos en el reinado de los Reyes Católicos. Valladolid, 2014. P. 427–440.
- Quesada M. Á. L. Estructuras y políticas fiscales en la Baja Edad Media // Edad Media: revista de historia, № 2. Valladolid, 1999. P. 113–150.
- Quesada M. Á. L. Fiscalidad regia y génesis del Estado en la Corona de Castilla (1252-1504) // Espacio, tiempo y forma. Serie III, Historia medieval, № 4, 1991. P. 95–135.
- Rodríguez E. T. El subsidio eclesiástico para la guerra de Granada (1482-1492). Aportación, ingresos y gastos en el arzobispado de Toledo // Medievalismo: Boletín de la Sociedad Española de Estudios Medievales, № 22, 2012. P. 217–238.
- Suberbiola J. Política fiscal en la conversión general mudéjar // Baética: Estudios de Historia Moderna y Contemporánea. Málaga, 1979. P. 251–263.

Принятые сокращения

cap. - capítulo

Pulgar F. Cron. – Pulgar F. Crónica de los Señores Reyes Católicos Don Fernando y Doña Isabel de Castilla y de Aragon escrita por su cronista Hernando del Pulgar Crónicas de los Reyes de Castilla desde don Alfonso el Sabio, hasta los católicos don Fernando y doña Isabel. Colección ordenada por don Cayetano Rosell. T. 3. – Madrid: Rivadeneyra, 1878. P. 225–585.

Part. – parte

Бракоразводный процесс Генриха VIII и Екатерины Арагонской в литературе английского романтизма

Данный доклад посвящен анализу того, как знаковое для британской истории событие – затянувшийся развод короля Генриха VIII – отразилось на страницах английских романов XIX в. Необходимо подчеркнуть, что указанная проблематика не поднималась ни в российской, ни в британской историографии. Мне не удалось найти ни одной работы, посвященной анализу того, как в художественной литературе викторианской эпохи изображали первую жену короля, и как англичане оценивали бракоразводный процесс, повлекший за собой создание англиканской церкви.

Основными источниками моей работы являются следующие романы: двухтомник Катерины Томсон «Воспоминания двора Генриха VIII», опубликованный в 1826 г.; исторический роман «Две королевы. Екатерина Арагонская и Анна Болейн», вышедший в 1873-1874 гг. («Две королевы» стали результатом архивных исследований известного английского историка и прозаика У. Г. Диксона,); и, наконец, роман «Развод Екатерины Арагонской», созданный известным историком Дж. Э. Фроудом (1891 г.).

Думается, главной причиной заметного интереса к жизни Екатерины Арагонской в викторианскую эпоху стало присущее указанному отрезку истории почтение к семейным ценностям в их традиционном понимании. Первая супруга Генриха VIII вполне могла восприниматься как идеальное воплощение жены и матери; в британской литературе XIX в. она неизменно описывалась как благочестивая женщина, посвятившая себя домашним занятиям и заботе о детях.

Тем более интересно, как авторы освещали развод, в частности, важнейшее заседание суда 18 июня 1529 г. Любопытно, что в английской

художественной литературе события, имевшие место после судебного процесса, описываются крайне сжато. Наиболее полно отразил и дал оценку этому событию Фроуд, он сосредоточился именно на перипетиях судебного процесса и борьбе Екатерины за сохранение семьи. Фроуд подчеркивал, что королева играла центральную роль в процессе, длившемся целых семь лет. Джеймс Фроуд тщательно раскрыл характер королевы, чтобы объяснить, каким образом судебный процесс мог настолько затянуться. Он отмечал, что несгибаемая решимость жены Генриха VIII вовлекла в конфликт множество политических деятелей не только в Англии, но и в других странах Европы. Внимание остальных авторов было сосредоточено на романтической стороне происходящего – во всех романах присутствует наполненная эмоциями сцена, в которой Екатерина резко и бескомпромиссно отвергает предложение о разводе. Все авторы писали о долгом, упорном сопротивлении королевы; все они отмечали, что усилия Екатерины не помогли ей достигнуть цели, но стали причиной церковной реформы в Англии.

Нельзя не отметить существующие в британской художественной литературе XIX в. различия в оценке отдельных поступков королевы и некоторые расхождения в подаче фактов. Это связано с тем, что историков привлекали разные сюжеты и периоды жизни Екатерины Арагонской. Кроме того, авторы опирались на источники, зачастую содержавшие противоречивую информацию. Например, версия развода, предложенная Уильямом Диксоном, отразила его скрупулезную работу в испанских архивах. В результате У. Диксон представил читателям роман, основанный на документах, не публиковавшихся до середины XIX в.

В романе К. Томсон образ Екатерины Арагонской довольно печален, королева изображена женщиной, терпящей унижения от своего мужа, не будучи виноватой перед ним. В четырех томах сочинения У. Диксона наиболее полно раскрывается образ Екатерины; политические события, определившие трагическую судьбу королевы, описаны максимально подробно. Заключающий мое небольшое исследование труд Джеймса Фроуда

затрагивает самый сложный период жизни Екатерины - бракоразводный процесс и последние годы жизни в изгнании. И все же, субъективная оценка фигуры английской королевы у всех авторов совпадает. Романисты сходятся в следующих пунктах: репутация королевы была безупречна, на суде Екатерина проявила в высшей степени похвальную твердость и показала, что ее дух не сломлен обстоятельствами и давлением. Стремление Генриха VIII аннулировать брак в викторианских романах оценивалось как недостойное и унижительное для королевы. Более того, писатели полагали, что бракоразводный процесс стал результатом заговора. Его ход трактовался как борьба, противостояние между доверенным окружением короля и немногочисленными благородными людьми, поддерживавшими Екатерину Арагонскую и сочувствовавшими ее положению.

Итак, образ Екатерины Арагонской остался в исторической памяти англичан в грустных тонах, королеву считали жертвой политической игры, которую вели ее родители и муж Генрих. Необходимо подчеркнуть, Екатерина далеко не во всем вписывалась в викторианские представления о королеве; отмечу два главных с точки зрения англичан XIX в. недостатка – Екатерина являлась иностранкой и примерной католичкой. Тем не менее, она оценивалась однозначно положительно, поскольку полностью соответствовала идеалу примерной супруги, и именно поэтому снискала популярность у историков и писателей XIX века. Развод, состоявшийся по инициативе Генриха VIII категорически не вписывался в стереотипы эпохи; романисты писали о нем с осуждением и неприятием.

Список источников и литературы:

Источники

- Диксон В. Г. Две королевы. Екатерина Арагонская и Анна Болейн. — в 4-х т. — СПб.: Плотников, 1874–1875.

- Froude J. A. The Divorce of Catherine of Aragon The Story as Told by the Imperial Ambassadors Resident at the Court of Henry VIII. — New York: C. Scribner's sons, 1891 — 384 p.
- Thomson K. B. Memoirs of the court of Henry the Eighth. – In 2 Vol. — London: Longman etc., 1826.

Литература

- Heyck Th. W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. — NY: St. Martin's Press, 1982 — 262 p.
- Stubbs W. Seventeen Lectures on the Study of Medieval and Modern History and Kindred Subjects. — Oxford: The Clarendon press, 1887 — 455 p.
- Newsome D. The Victorian world picture: perceptions and introspections in an age of change. — New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press — 1997 — 310 p.

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ

БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ В XIX в.

Климашина Александра
РАНХиГС, студентка LA
«История», 2 курс

Шарль-Андре Поццо ди Борго: ренессанс научного интереса к изучению деятельности великого дипломата

Шарль-Андре Поццо ди Борго, корсиканец, кровный враг Наполеона Бонапарта, многолетний российский посол во Франции, является одним из известнейших дипломатов XIX в. В конце XIX столетия в отечественной историографии интерес к его деятельности был весьма значительным, однако в советской исторической науке отношение к Поццо ди Борго как к «буржуазному дипломату» изменилось, и его имя лишь фрагментарно упоминалось в работах, посвященных истории дипломатии и международных отношений. В условиях борьбы с «космополитизмом» сказывалось и негативное отношение к иностранцам на русской службе. Однако в последние годы как в зарубежной, так и отечественной науке наблюдается рост интереса к личности и деятельности Поццо ди Борго.

Изучение вопроса о причинах актуализации научного интереса к личности и деятельности Поццо ди Борго и является целью этой статьи, написанной на основе анализа современных работ отечественных и зарубежных исследователей.

Французская историография представлена монографией известного французского историка Мишеля Верже-Франчески «Поццо ди Борго: заклятый враг Наполеона» (Vergé-Franceschi 2016), опубликованной в

Париже в 2016 г. Российская – исследованием доктора исторических наук Наталии Петровны Таньшиной «Шарль-Андре Поццо ди Борго: корсиканская тень Наполеона» (Таньшина 2020), а также статьями доктора исторических наук Елены Валентиновны Линьковой. Бельгийская историография представлена публицистическим произведением журналиста Ивона Туссэна «Поццо ди Борго: Другой корсиканец» (Туссэн 2004).

Поццо ди Борго родился в 1764 г. в Аяччо. В 1805 г. он поступил на службу в Российской империи и уже в 1814 г. стал послом России во Франции, в статусе которого он прослужил до 1835 г., после чего стал главой российского дипломатического корпуса в Лондоне. Он умер в 1842 г. Его жизнь была связана с важнейшими событиями: борьба за независимость Корсики, Революция, борьба с Наполеоном, послевоенное устройство Европы. Шарль-Андре был сторонником русско-французского сближения, чему активно способствовал в течение своей карьеры, и также являлся одним из инициаторов Реставрации Бурбонов во Франции.

Вражда с Наполеоном Бонапартом – важная часть жизни дипломата, являющаяся первопричиной его поступления на русскую службу. В юности Поццо ди Борго и Наполеон были друзьями, однако борьба за влияние на Корсике стала основной причиной противостояния двух впоследствии выдающихся деятелей.

Итак, в 2016 г. в Париже вышла монография французского историка Мишеля Верже-Франчески «Поццо ди Борго: заклятый враг Наполеона». Помимо того, что Мишель Верже-Франчески – известный историк, он, будучи корсиканцем по происхождению, является потомком как Наполеона Бонапарта, так и Поццо ди Борго. Особый интерес представляет изучение корсиканского периода жизни Поццо ди Борго и его противостояния с Бонапартом, поскольку Мишель Верже-Франчески является автором ряда книг по истории Корсики, а также прекрасным специалистом по истории своего родного острова. Хотя книга Верже-Франчески охватывает всю жизнь Поццо ди Борго, конечно, основное внимание автор уделяет противостоянию

графа Поццо ди Борго с Наполеоном. И именуется Поццо ди Борго «Нестором дипломатии».

Книга российского историка и моего научного руководителя Наталии Петровны Таньшиной, специалиста по истории Франции первой половины XIX в., которая называется «Шарль-Андре Поццо ди Борго: корсиканская тень Наполеона», интересна тем, что в ней, в отличие от работ зарубежных авторов, основное внимание уделяется именно деятельности Поццо ди Борго на русской службе, особенно после 1814 г., когда Поццо ди Борго возглавил российское посольство в Париже. То есть внимание уделяется обширному тридцатилетнему периоду, который зарубежными исследователями изучался очень фрагментарно. Что еще важно, работа основана на документах Архива внешней политики Российской империи, которые также недостаточно активно используются французскими авторами. Из этой книги я узнала следующий интересный факт: в первой половине XIX в. имя Поццо ди Борго было настолько популярно, что некоторые россияне думали, будто «Поццо» — это не фамилия, а название дипломатической профессии.

Что интересно, в это же время личность Поццо ди Борго привлекла внимание и еще одной российской исследовательницы - Елены Валентиновны Линьковой, занимающейся проблемой российской консервативной мысли. Среди ее работ – статья «Шарль-Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции»» (Линькова 2017) и рецензия на упомянутую ранее работу Мишеля Верже-Франчески (Линькова 2018).

Книга бельгийского журналиста Ивона Туссэна «Поццо ди Борго: Другой корсиканец», привлекла мое внимание тем, что это не научное издание, а научно-популярная книга, написанная в жанре псевдомемуаров. Известно, что Поццо ди Борго не оставил после себя опубликованных мемуаров (а неопубликованные хранятся у его потомков), однако Туссэн предпринял удачную попытку поставить себя на место дипломата и написать его биографию от первого лица. Центральное место в работе занимает личное

восприятие Поццо ди Борго происходящих событий. Примечательно и включение в работу подробностей личной жизни Поццо ди Борго, которые будут интересны не только историку.

Итак, можно выделить ряд причин, обуславливающих интерес исследователей к фигуре Шарля-Андре Поццо ди Борго, проживающих в разных странах и работающих в разных жанрах. Первая – неугасаемый интерес к Наполеону Бонапарту не мог оставить без внимания личность его «заклятого друга», и с появлением новых исследований о дипломате его фигура начала отделяться от имени императора. Вторая – интерес исследователей к Венской системе международных отношений, у истоков которой стоял, в том числе, и Поццо ди Борго. Современную систему международных отношений зачастую исследователи сравнивают с Венской системой. Третья причина – научный интерес к так называемой «новой дипломатической истории». В XIX в., в условиях отсутствия быстрого сообщения и средств связи, личные качества дипломатов имели очень важное значение. Четвертая причина – антропологическое измерение истории и возросший интерес к проблеме Человека в истории: в случае Поццо ди Борго этот интерес усиливается фактом кровной вражды с Наполеоном.

Таким образом, ренессанс интереса к Шарлю-Андре Поццо ди Борго обусловлен целым комплексом факторов. Отрадно, что этот интерес не связан с юбилеями, а вызван более глубокими причинами.

Список источников и литературы

- Линькова Е. В. Шарль-Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. - 2017. - Т. 16. - №4. - С. 602–616.
- Линькова Е. В. Michel Vergé-Franceschi, Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. Paris: Editions Payot et Rivages, 2016, 412 p // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: История России. - 2018. - Т. 17. - №4. - С. 942–945.

- Таньшина Н. П. Шарль-Андре Поццо ди Борго: корсиканская тень Наполеона. Научное издание. — СПб.: «Евразия», 2020. — 160 с.
- Туссэн И. Поццо ди Борго: Другой корсиканец / Пер. с франц. Э. Фактора. – СПб.: Крига, 2013. – 288 с.
- Vergé-Franceschi M. Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. - P., 2016.

Понятие «аристократия» в контексте полемики между «Философскими вигами» и «Философскими радикалами»

Британия после наполеоновских войн погрузилась в затяжной социально-экономический кризис, который подогревал народное недовольство на фоне неспособности и нежелания парламента удовлетворять общественные запросы на политические перемены. Многочисленные митинги, набирающее обороты петиционное движение, призывы к радикальным преобразованиям политической системы стали ярким историческим фоном развернувшейся в 20-е гг. XIX столетия политико-философской дискуссии между «Философскими вигами» и «Философскими радикалами» за право формирования интеллектуальных основ последующих парламентских реформ и избирательной реформы 1832 г. в частности. Впоследствии Джон Стюарт Милль характеризировал эту полемику как «разделившую мир борьбу между двумя доктринами, аристократической и демократической» (Hamburger 1965. P.61), которая определяла политическое мышление и язык двух этих философских объединений. Во многом именно главный идеолог «Философских радикалов» Джеймс Милль задал «доктринерские» рамки дискуссии, совершив лингвистическую инновацию в своей концепции представительного правления.

Джеймс Милль, опираясь на утилитарный понятийный аппарат Дж. Бентама, использовавшийся для анализа политических институтов, связал понятие «аристократия» с «корыстным интересом», суть которого заключалась в возможности максимизировать удовольствие за счет других людей (Mill 1825. P.21). Понятие «аристократия» обрело свою политическую трактовку, и сама аристократия стала мыслиться как «сравнительно немногочисленная группа людей, обладающей политической властью в

независимости от рождения или богатства» (Mill 1824. P. 211). Другими словами, под аристократией стала подразумеваться любая власть, пожиная плоды своих корыстных интересов в ущерб общественного благоденствия и процветания. Подобное понимание и предопределило суть противостояния между «Философскими радикалами», которые приняли политико-философскую трактовку «аристократии» своего идеолога Джеймса Милля, и «Философскими вигами», которые в результате подобной лингвистической инновации стали сторонниками «аристократов», защищающих свои «корыстные интересы» во власти, с чем они не могли мириться и интеллектуально противостояли «Философским радикалам», называя их в свою очередь демократами.

В основе методологии настоящего доклада будет лежать подход Кембриджской школы интеллектуальной истории и политических языков, который позволил рассмотреть понятие «аристократия» в качестве важной идеологической составляющей дискурсивного поля политико-философской дискуссии между «Философскими вигами» и «Философскими радикалами». В отечественной историографии еще не было предпринято попыток применить подход Кембриджской школы для анализа западноевропейской политической мысли XIX в. В зарубежной историографии «кембриджский» метод для изучения британской политической мысли XIX в. активно использовала т.н. Сассекская школа, главными представителями которой являются С. Коллини и Д. Уинч (Атнашев, Велижев 2018. С.14). Настоящий доклад будет продолжением историографической традиции, заложенной Сассекской школой, которая концентрировала свое внимание на полемике между Джеймсом Миллем и Т. Б. Макколеем (Collini, Winch, Burrow 1983. P. 93).

Основными источниками настоящего доклада будут эссе Джеймса Милля и его статьи в периодическом издании «Вестминстер ревью» («*Westminster Review*»), традиционно считавшемся выразителем мнений «Философских радикалов». Из всех эссе стоит выделить эссе «О правлении»

(«*Government*»), где Джеймс Милль впервые предложил концепцию представительного правления и задал тон последующей дискуссии между «Философскими радикалами» и «Философскими вигами». Из всех статей в журнале «Вестминстер ревью» стоит выделить статью «Эдинбург ревью» («*Edinburgh Review*»), в которой британский мыслитель критиковал периодическую печать «Философских вигов» за защиту аристократических устоев в политической системе Британии. Именно в этой критической статье была раскрыта сущность аристократии как источника корыстного интереса и противницы интересов всего общества в целом.

Таким образом, исследовательский фокус настоящего доклада направлен на изучение формирования лингвистической конвенциональной рамки полемики между «Философскими вигами» и «Философскими радикалами» через призму понятия «аристократия» в трудах Джеймса Милля.

Список источников и литературы

Источники

- Mill J. *Edinburgh Review*. Vol. 1, 2, &c. // *The Westminster Review*. Vol. I. No. I. 1824. P. 206-249.
- Mill J. *Government* // *James Mills Essays* [Reprinted from the Supplement to the *Encyclopædia Britannica*]. London: J. Innes, 61, Wells Street, Oxford Street, 1825. P. 3-32.

Литература

- Атнашев Т. М., Велижев М. Б. Кембриджская школа: история и метод // Сборник *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50.

- Collini S., Winch D., Burrow J. That noble science of politics: A study in nineteenth-century intellectual history. London: Cambridge University Press, 1983. 385 p.
- Hamburger J. Intellectuals in politics: John Stuart Smith and the philosophic radicals. New Haven and London: Yale University Press, 1965. 308 p.

Ричард Кобден и его восприятие российско-британских отношений в 1830–1850 гг.

Когда мы говорим о русско-английских отношениях в XIX в., то в глазах обывателя вспоминается Восточный вопрос с Крымской войной, кто-то возможно вспомнит о Большой игре. Однако насколько удивительно будет узнать, что далеко не все британское общество ставило конфронтацию с Российской империей в разряд какой-то традиции. Одним из представителей подхода я могу выделить Ричарда Кобдена, одного из основателей манчестерской экономической школы

Актуальность в изучении таких оппозиционных взглядов позволит приоткрыть нам многогранность викторианского общества Великобритании, и проследить прогрессию и наследие. А также это позволит нам посмотреть на Ричарда Кобдена не как на сторонника фритрейда, но и как политика, который выступал за мирное сосуществование с Россией.

Когда мы говорим о научной проработанности данной темы, стоит отметить, что, российские исследователи (Мижухев, Афанасьев 2006) рассматривают Кобдена больше в контексте его деятельности относительно свободной торговли, но отдельного исследования о взглядах Кобдена, о русско-английских отношениях, к сожалению, нет. Возможно, это объясняется тем, что англо-русские отношения были не самой крупной частью политической деятельности этого человека. Отдельно можно выделить труд английского историка Уильяма Доусона «Манчестерский либерализм и международные отношения: принципы внешней политики Ричарда Кобдена» в котором анализируются проблемы международных отношений сквозь призму взглядов Ричарда Кобдена. В этом труде также

широко упоминается его деятельность как противника участия Великобритании в Крымской войне.

В XIX в. людям прогрессивных взглядов, к которым тогда относились сторонники свободы торговли, отмены пошлин, невмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность, было свойственно рассматривать российское государство как реакционную империю, которая ущемляет и подавляет все вышеперечисленное. Однако Кобден был ярким исключением и видел прогресс России в этих парадигмах.

Более того, как и небыизвестный автор «России в 1839 году» де Кюстин, в 1833–1837 гг. он совершил путешествие по нескольким европейским государствам, и, в том числе, посетил Россию. А в 1836 г. он посвятил ей отдельную работу. Если де Кюстин видел Россию «...в соединении крайнего варварства, усугубляемого поработленным состоянием Церкви, и утонченной цивилизованности, заимствованной эклектическим правительством у чужеземных держав...» (Де Кюстин 1839. С. 4), то Кобден, будучи в Россия даже раньше его как будто в пику отвечал: «...Насколько успешен этот неутомимый дух в своем замысле, чтобы распространить в общественном сознании чувство ужаса и дух ненависти к России, может убедиться любой, кто возьмет на себя труд озвучить мнение своего следующего соседа по этому вопросу, которого, десять к одному, он найдет алармистом по поводу остроумия Поццо ди Борго, жестокости царя и варварства русских...» (Cobden 1909. Vol. 1 col. 126). В целом, в своей работе он часто сравнивал Османскую и Российскую империи. Кобден часто рассматривал Россию как естественную наследницу христианских владений слабеющего Османского государства, которое, к тому же, всячески угнетало население подвластных территорий.

Во время Крымской войны эти взгляды лишь усилились: Кобден был одним из тех, кто выступал за немедленное прекращение войны, призывая прекратить был «Дон Кихотом Европы» (Russia and the Porte 1854. Col. 918),

а в самой войне «... он опасается не оружия России, а дипломатии Англии...» (Russia and the Porte 1854. Col. 959).

Цена таких убеждений для самого Кобдена и его друга, Джона Брайта стала довольно высокой. Они, будучи в меньшинстве, были жертвами неслыханных нападков. Согласно Доусону: «...их чучела публично сжигали на улицах тех самых промышленных городов, которым политика свободной торговли принесла процветание и повышение уровня жизни» (Доусон 2019. С. 238). А на дебатах в Палате общин от 16 июля 1855 года Пальмерстон призывал посадить Кобдена, не много ни мало, в сумасшедший дом.

Изучая выступления Кобдена в парламентских дебатах, его памфлеты о России и критику Кобдена с точки зрения его оппонентов, можно сделать следующие выводы. Ричард Кобден считал угрозой России раздутой, более того, он видел Россию одним из оплотом «христианского прогресса» (Russia and the Porte 1854. Col. 139) на Востоке, ценой которой открывается доступ к новым рынкам сбыта и прогрессу в противовес «варварской» (Russia and the Porte 1854. Col. 130) и «деспотичной» (Russia and the Porte 1854. Col. 129) мусульманской Османской империи. Кобден утверждал, что «Единственная наша задача – это блюсти интересы Англии, не обращая внимания на интересы других стран» (Доусон 2019. С. 232), однако потребовалось не меньше чем два поколения, чтобы эти тенденции восторжествовали в политической элите Великобритании и конфронтация сменилась прагматическим сотрудничеством с Российской империей посредством заключения с соответствующего англо-русской конвенции в 1907 г.

Список источников и литературы:

Источники

- «Russia and the Porte» Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 21-24 December 1854. //URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html>

- Cobden R. The Political Writings of Richard Cobden. Vol. 1, L.,: Paternoster Square, 1909. URL: https://oll.libertyfund.org/title/cobden-the-political-writings-of-richard-cobden-vol-1#lf0424-01_label_183
- Де Кюстин А. Россия в 1839 году. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=113415&page=4>

Литература

- Доусон У. Манчестерский либерализм и международные отношения: принципы внешней политики Ричарда Кобдена Пер:Столяров А.. Социум, 2019.
- Мижурев П. Г., Афанасьев Г. Ричард Кобден. М.: Социум, 2006.

Российское самодержавие в восприятии У. Т. Стэда

Во второй половине XIX в. благодаря развитию прессы общественное мнение, так или иначе, играло свою роль во внешней политике, даже если в стране существовала жесткая цензура. И понять суть отношений между государствами невозможно, не выяснив, что писали друг о друге русские и британские публицисты.

У.Т. Стэд — видная фигура британской журналистики того времени, он крайне интересовался Российской империей, при этом имея влияние, в том числе, на премьер-министра Гладстона. Это обстоятельство делает У. Стэда особенно интересной для изучения фигурой. Более того, взаимоотношения между Россией и Великобританией никогда не были однозначными, и чтобы понять их в настоящем, нужно мысленно вернуться в прошлое.

Взгляды У. Стэда интересны прежде всего тем, что он воспринимал самодержавие не как деспотический строй, а как вполне органичную и подходящую Российской империи политическую систему, у которой были как и недостатки, так и свои достоинства. Такой взгляд был крайне необычен для британского журналиста, называющего себя либералом, поскольку в британской прессе самодержавие чаще всего критиковали.

Стэд вполне осознавал, что основная масса населения Российской империи проживала в деревнях. Он подробно останавливается на описании деревни как таковой и отдельно на функционировании деревенской общины. Именно поэтому публицист дает характеристику деревенской общины.

При этом, русская деревня, по мнению Стэда, была уникальна своим самоуправлением, аналогов которому он не находил в Европе. По мнению Стэда, самоуправление в российских деревнях было развито настолько хорошо, что никакие инстанции сверху для контроля ей были не нужны. А

любые представительные инициативы, вроде Земств, проваливались ввиду неграмотности и незаинтересованности населения в политике. Именно поэтому самодержавие вполне подходило в качестве государственного строя.

У. Т. Стэд ставит в центр политической системы личность императора, подчеркивая тем самым, что он воплощал образ самодержавной России. По мнению публициста, Александр III идеально подходил для данной системы управления, поскольку его искренне заботило благополучие своих поданных, и ему хватало авторитета поступать так, как он считал нужным, не подвергаясь чужому влиянию. Эти качества также помогали ему быть гарантом мира в Европе. Британский журналист нашел Александра III очень приятным человеком, идеально подходящим на роль самодержца, он даже называл царя гарантом мира в Европе. Стэд полагал, что каждый русский император верил в свой народ также, как и народ верил в императора. Император считал себя «народным трибуном», т.е. тем, кто воплощал и слышал волю народа, и пойти против этой веры, т.е. сменить государственный строй, представлялось невозможным.

Главным же недостатком самодержавия в Российской империи Стэд считал плохую осведомленность императора о нуждах населения в виду скверно организованной работы «канцелярии прошений», в которой любая инициатива тонула в бюрократии. При этом то решение проблемы, которое предлагал британский журналист, не предполагало ни смены строя, ни создания сословно-представительного органа.

Все меры по улучшению ситуации в Российской империи, которые предлагал Стэд, в целом не были направлены на радикальные изменения, а предполагали какие-то небольшие и часто довольно фантастические, как он сам и признавал, действия. Например, в качестве связи императора с народом он предлагал учредить подконтрольную доверенным лицам царя газету, через которую каждый бы смог обращаться к императору. Естественно, без мероприятий по повышению грамотности это было бы бессмысленно.

Стэд, сам будучи убежденным протестантом-нонконформистом, критиковал привилегированное положение православия в России, считая его губительным для развития христианских идей. Он отмечал полное незнание крестьянами Библии, но при этом они слепое следовали ритуалам. Однако он связывал эту ситуацию с самодержавием лишь косвенно, не относя религиозные проблемы к государственным, а главным виновником считал Победоносцева с его неоспоримым влиянием на императора.

Взгляд Стэда на самодержавие был довольно близок к идеям славянофилов, и это было не случайно, поскольку славянофилкой была русская подруга Стэда Ольга Новикова, имевшая на него большое влияние. Но если славянофилы видели идеал в допетровской Руси и весьма критически относились к современным им императорам, то Стэд считал Александра III практически идеальным самодержцем из-за его трезвого ума, рассудительности и спокойствия.

Главной целью написания статей, а позже и издания книги было стремление показать британскому обществу, что Россия не темная, непонятная страна, к тому же еще и главный враг Англии, а, наоборот, естественный ее союзник и цивилизованная европейская держава.

Стэд считал, что самодержавие изнутри совсем не то, чем, кажется снаружи, русское правительство также несовершенно, как и любое другое, и критиковать или предлагать какие-то альтернативы такому строю можно только осознав, что на самом деле есть Россия. Таким образом, восприятие британским журналистом самодержавия было удивительно оптимистично для британского журналиста, называющего себя радикалом. Он, безусловно, критиковал те или иные черты строя, но те меры по улучшению ситуации, что он предлагал, не были радикальными и вписывались в рамки самодержавия.

Список источников и литературы:

Источники

- Stead W.T. England and the Eastern Insurgents // The Northern Echo. 1876. July, 13.
- Stead, W.T. Truth about Russia. London: Cassel & Co., 1888. - 464 p
- Stead W.T. Some General Reflections. 1890 // W.T. Stead Resource Site URL: <https://attackingthediabol.co.uk/steadworks/reflections.php>
- Stead W.T. (1905). The National Significance of Revivals. 1905 // W.T. Stead Resource Site URL: <https://attackingthediabol.co.uk/steadworks/significance.php>
- Stead, W. T. MP for Russia. In 2 vol. L.: Andrew Melrose, 1909.
- Stead W.T. The Great Pacifist: an Autobiographical Character Sketch // The Review of Reviews for Australasia. 1912. August. P. 609.

Литература

- Зашихин А. Н. "Глядя из Лондона": Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX -начало XX в.: Очерки. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. - 204 с.
- Позойский С. И. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. Церковь мстит. URL: <http://l-n-tolstoy.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st004.shtml> (дата обращения: 20.04.2021).
- Соловьев К. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: НЛЮ, 2017. - 208 с.
- Токтоңызова Ф. М. Общественно-политическая и публицистическая деятельность О.А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2016. - 200 с.
- Ashton J. Russia owes a great deal to Mr Stead: Tsarism's Unlikely Champion and the International Press. 2004 // W.T. Stead Resource Site URL: <https://attackingthediabol.co.uk/worksabout/ashton.php>.

- Brown S. J. W. T. Stead: Nonconformist and Newspaper Prophet. New York: Oxford University Press. 2019. – 209 p.
- Stead. E. W. My father, personal & spiritual reminiscences. New York: George H. Doran company. 1913. - 351 p.
- The Great Educator: a Biography of W.T. Stead // W.T. Stead Resource Site
URL: <https://attackingthediabol.co.uk/bio.php>
- Whyte F. The Life of WT Stead. L.: Cape, 1925. - 345 p.

ЛИЧНОСТЬ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Корнеев Андрей
РАНХиГС, студент ЛА
«История», 4 курс

Британские социальные реформы 1906–1910 гг. и их роль в построении государства всеобщего благосостояния

Мой доклад посвящен первым масштабным социальным реформам, проводившимся в Великобритании в период с 1906 по 1910 гг. Эти преобразования можно назвать первыми социальными реформами, проводившимся в Великобритании, наиболее значимой из них стал пенсионный акт 1908 года, вводивший в стране полноценную пенсионную систему, одну из первых в Европе. Можно смело утверждать, что эти реформы заложили фундамент в проект государства всеобщего благосостояния, который начал реализовываться в середине XX века.

Основным источником для моей работы выступали парламентские дебаты, проводившиеся по поводу исследуемых мной реформ. Я анализировал дебаты, состоявшиеся в Палате Общин, т.к. именно там формировался образ будущих социальных законов.

Сами законы я рассматривал в хронологической последовательности. Условной точкой водораздела можно назвать 1908 г., с этого момента государство в корне изменило свой подход к социальным реформам, это можно проследить на примере законов, принятых в 1906–1907 гг. и после. В ранний период принимались наиболее актуальные на тот момент законы, которые были наиболее важны прежде всего для рабочих. Либеральная партия таким образом выполняла свои обещания, данные в ходе предвыборной кампании 1906 г. Однако данные акты по своей сути не

представляли собой ничего нового. Закон о трудовых спорах всего лишь отменял решение по «Тафф-валийскому делу», и возвращал рабочим право на забастовки без отягощающих для них последствий (The Parliamentary Debates. Vol. 152, P. 524). «Закон о трудовых компенсациях» лишь продолжил и расширил сферы применения уже существовавшего закона, принятого в 1897 году (The Parliamentary Debates. Vol. 154. P. 886–896). Последующие проекты социальных реформ были скорее заморожены.

Торможение в социальном реформировании, начавшееся в 1907 г., я связываю с фигурой премьер-министра Кэмпбелла-Баннермана, который излишне осторожничал. Сменивший его в 1908 г. Асквит отчетливее понимал масштаб социальных проблем и угрозу, которую они несут партии, поэтому начал незамедлительно действовать.

В апреле 1908 г. из-за ухудшившегося состояния здоровья Кэмпбелла-Баннермана, Г. Асквит занял его место, и новое правительство начало проводить последовательную и проработанную социальную политику. Для этого они сформировали или восстановили работу соответствующих комитетов при правительстве, министерства также начали прорабатывать реформы, связанные как с рабочим движением, так и другими социально значимыми областями. Сейчас сложно однозначно сказать, что именно повлияло на этот разворот. По одной из версий, причиной тому послужило укрепление про-социалистических настроений в обществе, что отразилось на результатах досрочных и муниципальных выборов, на которых несколько неожиданных побед одержали явные социалисты, которые не пользовались поддержкой Лейбористской партии (Reid 1955. P. 145-146). Это дало сигнал либеральному правительству, что реформы пора проводить, и они должны быть направлены не только на рабочих, но и на другие небогатые слои населения, в противном случае они рисковали бы потерять большинство в Палате Общин на следующих выборах (Pelling 1986. P. 22). Поэтому именно в период с 1908 по 1909 гг. происходит коренной перелом в отношении правительства к социальным реформам.

Самыми значительными социальными реформами стали: пенсионная реформа, обсуждавшаяся последние десять лет, и так называемый «Народный бюджет», согласно которому в национальном бюджете выделялись постоянные статьи расходов на различные социальные инициативы. Социальные расходы государства присутствовали в бюджете и раньше, однако эти траты носили не систематизированный характер, под каждую социальную реформу выделялась отдельная статья расходов, т.е. постоянной суммы, которую бы можно было распределить на различные социальные нужды не существовало. Ранние социальные реформы носили скорее «пожарный» характер, они были призваны решать лишь самые острые проблемы, и под них в экстренном порядке выделялись деньги, которые могли идти из разных источников, не только из бюджета. Так было с пенсионной реформой, которая стала предтечей «Народного бюджета», ведь финансирование на нее выделялось из разных источников, а отсутствие постоянно прописанных в бюджете расходов на выплату пенсий еще больше разоряло бюджет Королевства, которые было необходимо пополнять.

«Народный бюджет» предполагал, что социальные расходы станут постоянной статьей бюджета, и что более важно, суммы для этой статьи рассчитывались исходя из разрабатывавшихся тогда проектов социальных реформ (Murray 1973). Процесс разработки реформ был сложным и растянулся на несколько лет, в частности члену кабинета Г. Асквита пришлось изучить зарубежный опыт социальных преобразований (в Германии и Дании), чтобы успешно провести аналогичные реформы в Великобритании (Morgan 2009).

Финансирование социальных инициатив фактически возложили на плечи наиболее обеспеченных слоев населения через введение нового земельного налога, который вызвал резкую критику со стороны Палаты Лордов, состоявшей из крупнейших землевладельцев. Данный проект был в 1909 г. отклонен верхней палатой парламента, однако уже в следующем году снова внесен на обсуждение и принят. Говоря о дальнейшей судьбе

«Народного бюджета», стоит признать, что его радикальные для своего времени меры оправдали себя уже через несколько лет. За счет внушительной суммы собранных налогов, которые превзошли оценки создателей проекта, бюджетный дефицит удалось сократить, а расходы на социальную сферу увеличили в несколько раз (Murray 1973. P. 570), что лишь поспособствовало принятию новых, более смелых законов, которые впоследствии легли в основу идеи государства всеобщего благосостояния. Именно «Народный бюджет» стал переломной точкой в проведении социальных реформ начала XX в. в Великобритании, этим проектом была проложена логика дальнейших реформ, а не только финансирование. Государство осознало необходимость в более активном вмешательстве в экономические процессы, чтобы устранить социальную несправедливость, порожденную свободным рынком. Пенсионная реформа стала пробной реформой, однако имела ряд недостатков, одним из них был недостаток финансирования, что и исправил проект Ллойда Джорджа.

Список источников и литературы:

Источники

- The Parliamentary Debates. 4th Series. Vol. 152-198; 5th Series Vol. 1-17. L., 1906-1910.

Литература

- Emy H. V. Liberals Radicals and Social Politics 1892-1914 — Cambridge: Cambridge University Press, 1973. — 318 p.
- Murray B. K. The Politics of the 'People's Budget' // The Historical Journal. 1973. — Vol. 16, № 3. — P. 555-570.
- Morgan K. O. 'Rare and refreshing fruit' Lloyd George's People's Budget // Public policy research. 2009. — March-May. — P. 28-33.

- Pugh M. Working-Class Experience and State Social Welfare, 1908-1914: Old Age Pensions Reconsidered // The Historical Journal. — 2002. — Vol. 45, № 4. — P. 775-796.
- Pelling H. A Short History of The Labour Party. — L.: Macmillan press, 1986. — 202 p.
- Reid J. H. The Origins of the British Labour Party. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955. — 272 p.

Русские Особые бригады (1916–1917 гг.)

Проблема возвращения офицеров и солдат Русских Особых бригад в Россию практически не изучена. Нам не удалось найти ни российских, ни зарубежных исследований данного вопроса. В России историков, в большей мере, интересовало Куртинское восстание части солдат Русских Особых бригад на территории Франции после известий о Февральской революции в России. Во Франции тема Русских Особых бригад долгое время не была популярна по причине того же восстания и последующего выхода России из войны по итогам Брестского мира.

Новизна данного исследования заключается во введении в научный оборот ранее неизученных документов Архива исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense или сокращенно SHD). Речь идет об официальных документах как Французского Генерального штаба, так и военнослужащих Русских Особых бригад.

Русские Особые бригады (1916–1917 гг.) – это воинские формирования, отправленные по ряду соглашений между Россией и Францией во время Первой мировой войны для ведения боевых действий на Западном фронте.

Русские офицеры и солдаты продемонстрировали чудеса храбрости в ходе «наступления Нивеля» (апрель-май 1917 г.). Понеся огромные потери, получив противоречивые сведения о революции в России, личный состав Русских Особых бригад разделился на верных присяге и революционеров. Последнее привело к т. н. Куртинскому кризису (май-сентябрь 1917 г.), по итогам которого Русские Особые бригады были расформированы.

Материалы, использованные при работе над докладом, можно разделить на следующие группы: прошения русских офицеров и солдат во

Французский Генеральный штаб о скорейшем возвращении в Россию с предложением возможным маршрутов; отчеты французских офицеров о готовности кораблей для отправок в Россию; письма французских офицеров в Генеральный штаб о моральном и физическом состоянии русских офицеров и солдат; инструкции Генерального штаба французским офицерам о порядке проведения посадок на корабли; таблицы со сведениями о загруженности кораблей и с датами отправок.

Инициатива возвращения офицеров и солдат Русских Особых бригад из Франции в Россию принадлежит генерал-майору М. И. Занкевичу (представителю Временного правительства при французских армиях с 4 июня 1917 г.). Предложение, поддержанное Петроградом, привело к тому, что генерал Ф. Фош попросил французского военного министра поднять вопрос об отправке русских солдат в Россию на заседании Совета министров. Вскоре генерал Ф. Фош получил утвердительный ответ на просьбу генерала М. И. Занкевича.

Однако, нерешительность Временного правительства и страх перед прибытием в Россию революционно настроенных солдат не дали этим планам осуществиться. Было решено отправить Русские бригады из Франции на Салоникский фронт после наведения в них порядка (SHD, 7N2011). Последнее не было осуществлено.

С января 1918 г. Советское правительство начало требовать от Ж. Клемансо возвращения русских солдат. Французский Президент дал ответ: «В силу того, что между Россией и нашими врагами заключен мир, вопрос об отправке русских войск из Македонии или Франции не рассматривается» (SHD, 17N677).

11 ноября 1918 г. подошла к концу Первая мировая война. Только 15 декабря была подана записка, в которой поднимался вопрос возвращения русских солдат в Россию. 20 декабря подтверждается первая отправка больных и увеченных солдат 1 января 1919 г. (SHD, 17N677).

После этого в Генеральном штабе началась подготовка документов для обеспечения отправки основной части русских офицеров и солдат в Россию. По инструкции Генерального штаба от 7 мая 1919 г. по погрузкам на корабли в Россию отправке в первую очередь подлежали офицеры и нижние чины (раненные, музыканты, солдаты рабочих рот возрастом более 35 лет...). Сбор был назначен в Гавре (Нормандия) 12 мая для дальнейшего перемещения на погрузку в английский порт.

Понять тяжелое моральное состояние солдат и офицеров позволяет письмо лейтенанта Морозова от 9 июля 1918 г. (оригинал на русском языке сопровождается переводом на французском). Лейтенант пишет о том, что в Гавре не было ни одной погрузки на корабли: «...все русские офицеры и солдаты, которые должны были вернуться на Родину, после ожидания в Гавре, продлившемся 12 часов, отправились обратно в места своего пребывания».

Морозов объясняет критическую ситуацию, связанную с его женой и двумя дочками, оставшимися в России: «...моя семья жила исключительно на мое жалование, которое я отправлял ей из Франции». Не получая больше денежных выплат и не имея возможности вернуться на Родину, лейтенант Морозов подал прошение быть задействованным в качестве солдата рабочих рот для того, чтобы отправлять семье необходимые денежные средства (SHD, 17N677).

Изученные нами документы позволяют понять стремление многих бывших российских военнослужащих вернуться в Россию. В Архиве исторической службы Министерства обороны Франции хранятся прошения русских офицеров из Северной Африки, заключающиеся в просьбе репатриации «самым коротким путем» или «направлением Америка-Владивосток».

Однако французское правительство после завершения мировой войны не обладало точными сведениями о количестве и состоянии русских офицеров и солдат. Выяснение данного вопроса дало следующие цифры и

сроки. Возвращение на Родину 40000 солдат рабочих рот и освобожденных русских военнопленных планировалось завершить к концу 1920 г. По записке Военного министра от 1 марта 1920 г. выходит, что к тому моменту 21 400 русских солдат еще ждали возвращения на Родину: 15 000 во Франции, 4 000 в Алжире, 2 400 в Македонии (SHD, 12N3).

Документы французских офицеров позволяют также косвенно оценить политические настроения русских офицеров и солдат. Записка от 22 апреля 1920 г. посвящена тому, что русский контингент, расположенный в Северной Африке, выразил желание вернуться в Россию: 3 607 человек – на территорию, подчиненную большевикам, 126 – в области, независимые от власти советов (SHD, 17N677).

В итоге, ко 2 октября 1920 г. общая численность погруженных на корабли за три года с 1918 по 1920 гг. составила 18 982 солдата рабочих рот и 20502 освобожденных после заключения перемирия с Германией русских военнопленных.

В течение нескольких лет российские офицеры и солдаты получали отрывочные сведения о событиях России, где с 1918 г. шла гражданская война. Неизмеримо хуже была ситуация с пониманием обстоятельств жизни отдельных семей.

Отправленные защищать союзника по «Антанте», воины Русских Особых бригад практически ничего не знали о жизни семей, которые остались в России. Изученные нами документы позволяют понять, насколько эти люди хотели вернуться в Россию, предлагая служащим Французского Генерального штаба различные корабельные маршруты.

Таким образом, глобальные события Первой мировой войны отразились на жизни российских офицеров и солдат, их семей в России и во Франции. Мы наблюдаем влияние макроистории на историю семьи. Некоторые из потомков русских офицеров и солдат в настоящий момент ведут архивные поиски. В частности, потомок русского солдата частный

исследователь Александр Миссонов вдохновил автора данного исследования на изучение истории Русских Особых бригад.

Однако, многие офицеры и солдаты Русских Особых бригад остались во Франции. Их жизни посвящены другие наши работы. Позволим сказать, что автор лично знаком с проживающими во Франции внуками русского солдата Иваном и Мари Бельгу-Мамонтовыми, основателями Общества «Мишка 16–18» (в честь медведя, которого русские офицеры и солдаты привезли с собой во Францию). Пример их архивных поисков также вдохновляет нас.

Списки русских офицеров и солдат, которые вернулись в Россию, можно изучить дистанционно на сайте «Мишка 16–18», переведенном на русский язык автором представленного доклада (Accueil. URL: <https://www.brigadesrusses.fr/#Accueil.A> (Дата обращения 02.03.2021).

Список источников и литературы:

Источники:

1. SHD, 7N2011.
2. SHD, 12N3.
3. SHD, 17N677.

4. Мишка 16–18. Accueil. URL:

<https://www.brigadesrusses.fr/#Accueil.A> (Дата обращения 02.03.2021).

**Идейные течения в среде русских эмигрантов в Чехословакии:
евразийство и сменовеховство**

В данном докладе будет оцениваться влияние большевистской революции 1917 г. на зарождение идейно-политических течений среди представителей русской эмиграции. Не имея возможности как-либо повлиять на ситуацию, в которой оказалась Россия в 1917 г., эмигранты решили сосредоточиться на анализе и исследовании опыта революции и Гражданской войны, а также на обсуждении возможных вариантов развития событий и их влияния на будущее страны. Рассматриваются такие направления эмигрантской политической мысли как сменовеховство и евразийство, общей идеей которых стало осознание необходимости принять большевистскую революцию и ее результаты ради сохранения единства и мощи России (Милюков 1926. С. 94). Особое внимание уделяется сборникам статей «Смена вех» и «Исход к Востоку», которые положили начало рассматриваемым эмигрантским идеологиям, а также их авторам, предпринявшим попытку осмыслить роль российской интеллигенции в новых политико-экономических условиях. Кроме того, рассматриваются такие тенденции среди представителей русской эмиграции как «возвращенчество», культ личности и мировая революция.

Изучение истории евразийства и сменовеховства позволяет провести более глубокое исследование жизни и деятельности Русского Зарубежья в 1920–1930-е гг., а также представить разнообразие процессов идейно-политического наследия русской эмиграции первой волны в Чехословакии (Серапионова 2005. С. 61).

Для многих эмигрантов Чехословакия не была конечной целью. В основном, они воспринимали ее как место временного проживания до возвращения на родину. Чехословакия, будучи демократической страной, предоставила им свою помощь, чему представители русской эмиграции, безусловно, были благодарны. Власти Чехословакии, в свою очередь, рассчитывали, что по возвращении в Россию бывшие переселенцы продолжат развивать чехословацко-русские отношения. Был подготовлен проект при поддержке министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша под лозунгом «Нам этого Россия никогда не забудет» (Флоровский 1921. С. 94). Однако, когда русские эмигранты поняли, что в ближайшее время перемен в России не предвидится, многие стали переселяться дальше от России — в Западную Европу и США.

За неимением возможности как-либо повлиять на ситуацию, в которой оказалась Россия в 1917 г., эмигранты решили сосредоточиться на анализе и исследовании опыта революции и Гражданской войны, а также обсуждении возможных вариантов развития событий и их влияния на будущее страны (Шкаренков 1987. С. 231).

Многие российские политические организации опираются на различные идейные споры и концепции, заложенные общественно-политическим наследием русского зарубежья. Идеи и теории русских переселенцев играют большую роль в осмыслении исторического пути России, природы и специфики ее государственности.

Список источников и литературы:

Источники

- Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.
- Флоровский Г. В. О народах не-исторических (Страна отцов и страна детей) // Исход к Востоку Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. София: Балкан, 1921.

Литература

- Серапионова Е. П. Т. Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции /Под ред. М. Г. Вандалковской. М.: Русский путь, 2005. С. 61–69.
- Шкаренков Л. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.

Политическая жизнь Испании 1920-1930-х гг. (по мемуарам Клаудио Санчеса-Альборноса)

Настоящий доклад посвящен политической автобиографии Клаудио Санчеса Альборноса-и-Мендуиньи (1893–1984), ученого-историка и политика, одного из основоположников испанской медиевистики и последнего главы Правительства Испанской Республики в изгнании. Его мемуары «Мое историко-политическое завещание» были опубликованы первым изданием в 1975 г. Эти воспоминания практически неизвестны отечественным исследователям и, по ряду причин, относительно нечасто используются зарубежными учеными. Цель доклада – показать информационные возможности этого воистину уникального исторического источника.

Клаудио Санчес Альборнос-и-Мендуинья, профессор Центрального университета в Мадриде, член Национальной Академии истории, в период Второй Республики в Испании (1931-1939) активно занимался политической деятельностью, выступал в периодической печати с право-либеральных позиций, являлся депутатом кортесов (1931-1939), министром иностранных дел (1933 г.) в право-центристских правительствах Алехандро Лерруса и Диего Мартинеса Баррио, наконец, послом в Португалии (1936 г.), вице-президентом кортесов (1936 г.). После поражения Республики в Гражданской войне (1936-1939) он был вынужден эмигрировать сначала во Францию (1939-1940), а затем в Аргентину (1940-1983), где некоторое время являлся Председателем правительства Республики в изгнании (1962-1971) (*El historiador*).

Структурно воспоминания подразделяются на три части. Первая («Посредник в политике») посвящена политической жизни Испании, причинам прихода автора в большую политику и основным связанным с этим событиями – кризису монархии, диктатуре М. Примо-де-Ривера (1923-1930), провозглашению Второй Республики (1931) и ее кризису, Гражданской войне (1936-1939), собственной эмиграции. Во второй части («Исторические проблемы») К. Санчес-Альборнос пытается разгадать феномен «испанцев» в тесной связи с событиями Гражданской войны (1936–1939). Он говорит о том, что отличает его соплеменников от остальных европейцев, о том, какие причины послужили пробуждению «зверя» братоубийственного конфликта. В третьей части («Перед завтрашним днем») историк рассуждает о будущем Испании, перспективах падения франкистского режима и последующей национальной реконструкции. Настоящий доклад основан, главным образом, на материале первой части воспоминаний, наиболее тесно связанном с политическими аспектами биографии историка (Sánchez-Albornoz 1975).

Автор довольно кратко описывает «министерскую чехарду» завершающего периода правления Альфонсо XIII, делая акцент на двойственности курса либерал-консерватора Антонио Мауры (1853–1925), который не смог продолжить линию склонного к компромиссам Эдуардо Дато (1856-1921). «Мягкий диктат» М. Примо де Риверы, по мнению К. Санчеса Альборноса, был неспособен изменить ситуацию и падение монархического режима стало неизбежным (Sánchez-Albornoz 1975. P 20-22).

Более подробно К. Санчес Альборнос характеризует политиков и политику эпохи Второй Республики. Он считал, что в этот период именно личные амбиции лидеров правых и левых партий привели к расколу и внутреннему противостоянию. Ни правоцентристское правительство, ни победа Народного фронта, приведшая к утверждению левоцентристского правительства, не смогли сохранить республиканский строй. Не смог выполнить этой задачи и Нисето Алькала Самора (1877–1949), первый

президент Второй Республики (1931-1936). Введение в правительство Алехандро Леруса (1884–1949) представителей правоцентристской партии СЭДА и заключение Мануэля Асаньи (1880-1940) вызвали жесткое противостояние Президента и левых республиканцев. Попытки сформировать прочное центристское правительство были тщетны. Народный фронт, объединение левых сил, обрел популярность и победил на выборах 1936 г., а президентом стал ранее гонимый М. Асанья; отстранение Алькала Саморы довершило дело, К. Санчес-Альборнос подчеркивает, что как президент М. Асанья был резок и груб по отношению к своим соратникам, и это усугубило противостояние сторонников Республики. Негативную роль сыграла и нерешительность М. Асаньи в борьбе с врагами Республики, пусть даже эта нерешительность была вызвана оправданным (с точки зрения автора воспоминаний) нежеланием Асаньи принять политический курс левых. Нерешительность и внутреннее противостояние республиканских политических сил стали главными причинами непродолжительности республиканского правления (Sánchez-Albornoz 1975. P 31 -50).

Говоря о себе, К. Санчес Альборнос подчеркивает, что в годы диктатуры М. Примо де Риверы он вступил в политику, начав с провозглашения жестких манифестов против диктатуры в собраниях профессоров и студентов университета. С приходом Республики историк стал профессиональным политиком, войдя в правительство меньшинства Алехандро Леруса (1934). После введения в него представителей СЭДА, К. Санчес Альборнос вновь вернулся в науку, но после освобождения Асаньи из заключения вновь вернулся в парламент и принял активное участие в обсуждении закона об аграрной реформе. Затем он создал Совет иностранных дел, чтобы обеспечить преемственность внешнеполитического курса Испании. Далее, по его собственным словам, не желая участвовать в политических интригах, историк выбрал пост посла в Португалии. В тот период он сумел помочь сотням эмигрантам-республиканцев выехать за пределы полуострова. После разрыва дипломатических отношений с его

страной, К. Санчес Альборнос уехал во Францию, в Бордо, где на какое-то время вновь занялся наукой. Если бы не вторжение немцев, там бы он, вероятно, и остался. Но судьба распорядилась иначе, и историк оказался в Аргентине, где продолжил политическую деятельность в качестве политика в изгнании.

Важной частью его деятельности в этом качестве стало участие в политических и философских дискуссиях о будущем Испании. Пожалуй, главным из этих событий стал «большой спор» с историком и философом, также испанским эмигрантом Америко Кастро (1885–1972), который скептически оценивал либеральную перспективу испанского будущего. В противовес своему оппоненту, К. Санчес-Альборнос утверждал, что европейская, христианская идентичность испанцев и изначально свойственное им свободолобие были сохранены на протяжении всей национальной истории (Pastor 2009. P. 56-64)

В заключение следует отметить, что характеристики политики и политиков, данные К. Санчесом Альборносом, порой – довольно жесткие, нуждаются в дополнительной проверке путем расширения круга источников проблемы. Частично это уже сделано мной в прошлогодней курсовой работе, написанной по материалам переписки К. Санчеса Альборноса и его испанского коллеги Эмилио Саэса. В своей ВКР в следующем году я планирую продолжить работу в этом направлении.

Список источников и литературы:

Источники

- Sánchez-Albornoz C. Mi testamento histórico-político. Barcelona, 1975. P. 9-60.

Литература

- Pastor J.Ll. Ciencia y exilio. Los científicos republicanos españoles y su trayectoria itinerante// Revista Mètode. –2009. –№ 61. P. 56-64.

- Baruque J.V. Claudio Sanchez-Albornoz y Menduiña/ Baruque J.V. //Diccionario Bibliográfico Español. Real Academia de la Historia. – [Электронный ресурс]. URL: <http://dbe.rah.es/biografias/6273/claudio-sanchez-albornoz-y-menduina>.
- El historiador: Biografía// Fundación Sánchez Albornoz. –[Электронный ресурс]. URL: [http:// fundacionsanchezalbornoz.org/el-historiador/biografia/](http://fundacionsanchezalbornoz.org/el-historiador/biografia/)

**«Призрак Мюнхена» в риторике «миротворцев» после оккупации
Чехословакии Германией 15 марта 1939 г.**

14 марта 1939 г. при поддержке Германии словацкие сепаратисты отделились от Чехословакии, образовав Словацкую республику, а 15 марта оставшаяся чешская территория была занята немецкими войсками. Данные события были не просто тревожными посягательствами на суверенитет центральноевропейских государств со стороны Третьего Рейха, но и грубым нарушением международных соглашений с лидерами политики умиротворения – Великобританией и Францией.

Рассматриваемая автором проблема связана с ретроспективным взглядом на Мюнхенское соглашение, подписанное лидерами Великобритании, Германии, Франции и Италии 30 сентября 1938 г., на которое возлагались надежды по окончательному урегулированию территориального вопроса в Центральной Европе и предотвращению возможных конфликтов. Поскольку осенью 1938 г. британское правительство позиционировало Мюнхенское соглашение как гарантию «мира для этого поколения», легко представить, как остро встал вопрос правильности дипломатических ходов сентября; несбывшиеся чаяния «миротворцев» не могли не отразиться на полемике в политических кругах, последовавших за оккупацией Чехословакии. Данное отражение - естественным образом поднявшиеся вопросы и претензии оппозиции сразу после оккупации, осязаемая необходимость со стороны Чемберлена также поднимать тему соглашения в речи, защищая и «обеляя» его, необходимость опираться на его условия в обосновании своей реакции на оккупацию, - именуется автором «призраком Мюнхена».

Работа концентрирует внимание на следующих моментах: выступления Н. Чемберлена (премьер-министра на то время) 15 марта в Палате общин (сразу после введения немецких войск в Чехословакию) и 17 марта в Бирмингеме и выступление лорда Галифакса в Палате Лордов 20 марта.

Изложение Чемберленом событий в Чехословакии в день, когда эти события имели место – максимально нейтральное. Даже можно указать на то, что он старательно смягчает углы – обращает внимание на то, что сдача государства в руки Германии была произведена из обоюдного стремления сторон к окончательному установлению прочного мира в Центральной Европе, и что Гитлер гарантировал неприкосновенность национального автономного развития чешского народа (Богатенко 2017. С. 227).

Британская общественность, прежде всего в лице прессы, на следующий день резко осудила действия Германии, в частности, «Дейли Геральд» связала немецкую агрессию непосредственно с Мюнхенским соглашением (Майский 1962. С. 104). Вместе с тем, пресса критиковала и то, как премьер-министр безэмоционально охарактеризовал в Палате общин чехословацкие события (Богатенко 2017. С. 231) — это «чудовищное преступление», по словам «Дейли Телеграф» (Майский 1962. С. 104).

В связи со столь резкой реакцией, которую Чемберлен, исходя из его речи 15 марта, даже не ожидал, 17 марта он значительно меняет свою риторику. Теперь в речи присутствует выраженная негативная оценка действий Германии. Премьер также оправдывает свою умеренность 15 марта недостатком имевшейся на тот момент информации и подчеркивает, что неверно судить о его чувствах и оценках действий Германии только по данному выступлению. Примечательно, что Чемберлен стремится постфактум приобщиться к общественным настроениям, в то время как уже 15 марта некоторые члены Палаты не сдерживались в оценках действий Германии. Так, Дэвид Гренфелл прокомментировал речь Чемберлена, говоря, что «его удивительному духу отчужденности можно только позавидовать» и «никто из чешского народа, столкнувшегося с вторжением в свою страну,

покушением на свою независимость, свободу, суверенитет своего государства, не смог бы сохранить спокойствие так, как это удалось сегодня премьер-министру» (Hansard 1939. Col. 441). За остроумной иронией, как видно, читается обвинение в отсутствии эмпатии.

Тем не менее, Чемберлен солидаризируется со всеобщим дискурсом осуждения только после того, как успела высказаться общественность. Характерной особенностью его критики является то, что он отталкивается не от априорной неправомочности действий Германии, а от факта нарушения обещаний, данных в сентябрьских переговорах 1938 г. Премьер даже цитирует условия, чтобы подчеркнуть наплевательское отношение Гитлера к данным им обещаниям, но подчеркивает, что ничего из этого невозможно было предугадать полгода назад. Таким образом, он продолжает апологию мюнхенской политики несмотря ни на что.

Через некоторое время, 20 марта, состоялось заседание Палаты лордов, на котором позицию британского правительства высказал лорд Галифакс (Halifax 1939. Avalon pr.), сторонник Чемберлена. Высказывался он в том же духе осуждения Германии за нарушение принципов, под которыми та сама же подписалась. Однако, министр иностранных дел выносит на обсуждение заявленные мотивы интервенции.

В итоге Галифакс приходит к аналогичному образу Германии-агрессора (I could wish that, instead of the communications and explanations which have been issued and which carry scant conviction, German superior force had been frankly acknowledged **as the supreme arbiter** [*здесь и далее выделение – М.Б.*] that in fact it was), который в своей речи подавал Чемберлен, но данный образ теперь подкреплён анализом заявленных мотивов Германии.

Министр комментирует оценку мюнхенской политики как «трагической ошибки». И хотя он сразу оговаривается, что не смеет пытаться поменять мнение человека, далее Галифакс приводит две главные цели, к достижению которых стремилось Мюнхенское соглашение: не допущение

войны и установление норм исключительно мирного урегулирования конфликтов.

За положениями, явно стремящимися «обелить» мюнхенскую позицию и лично премьер-министра, скрываются тревожные разногласия, которые на самом деле были между Чемберленом и Галифаксом в сентябре 1938 г.: последний был взволнован активизацией протестов и критики оппозиции в связи с мюнхенскими переговорами, поэтому в личном общении с премьер-министром не раз высказывался за прекращение уступок и предупреждение Германии о готовности вступить за Чехословакию (Crowcroft 2019). Заступничество Галифакса в Палате лордов может свидетельствовать о политических приоритетах министра: вероятно, он считал, что в текущих условиях, когда общественность обеспокоена международной политической ситуацией, а консервативная партия серьезно расколота внутри на две антагонистичные группы, крайне важно сохранить единство правительства в глазах публики.

В итоге, можно говорить о том, что в дискурсе Национального Правительства Чемберлена после оккупации Чехословакии впервые просматривается откровенная критика действий Германии, столь нехарактерная для «миротворцев».

«Призрак Мюнхена» еще не раз объявлялся в мартовских парламентских заседаниях в связи с обсуждением европейской ситуации: Уилли Галлахер 31 марта выразил уверенность, что сама поездка в Мюнхен поставила Великобританию на порог войны (Hansard 1939. Col. 2419), а 27 марта Реджинальд Соренсен в аккуратной вопросительной форме высказал мысль о том, что на Чемберлене лежит моральная ответственность за проявленную в сентябре инициативу лично встретиться с Гитлером, и ответственность эта теперь закономерно предполагает запросить у фюрера объяснений посредством личного контакта (на это премьер лаконично выразил сомнение в плодотворности личного общения) (Hansard 1939. Col. 1683). С развитием ситуации в Европе, ведущей к войне, взоры людей снова

и снова обращались к Мюнхену как апогею провалившейся политики умиротворения.

Список источников и литературы:

Источники

- Commons Chamber (Volume 345: debated on Wednesday 15 March 1939) // Hansard. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1939-03-15/debates/8dcdcf2-f8d8-48d2-8a40-cd9a3ecfa67d/CommonsChamber> (дата обращения: 02.04.2021)
- Crowcroft R. The Munich crisis: the battle over appeasement // HistoryExtra, 2019. – URL: <https://www.historyextra.com/period/second-world-war/munich-agreement-appeasement-crisis-chamberlain-hitler/> (дата обращения: 02.04.2021)
- European situation (Volume 345: debated on Friday 31 March 1939) // Hansard. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1939-03-31/debates/1524fe0b-019d-48fd-982d-99547a359ec6/EuropeanSituation> (дата обращения: 02.04.2021)
- European situation (Volume 345: debated on Monday 27 March 1939) // Hansard. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1939-03-27/debates/a96c675f-f884-4cc5-b8fe-85607e24495e/EuropeanSituation> (дата обращения: 02.04.2021)
- The British War Bluebook Speech by the Secretary of State for Foreign Affairs in the House of Lords on March 20, 1939 // The Avalon Project (Documents in Law, History and Diplomacy). – URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/blbk10.asp> (дата обращения: 02.04.2021)

Литература

- Богатенко Р. В. Аннексия гитлеровской Германией остатков Чехословакии и реакция британской Палаты общин // Вестник Омского ун-та. Серия «Исторические науки». – 2017. - №3 (15). – С. 224-233.

- Майский И. М. Кто помогал Гитлеру: воспоминания. – Изд-во Института международных отношений, 1962. – 200 с.

Исаева Наталия

НИУ ВШЭ, студентка факультета гуманитарных наук, программа «История», 3 курс

Трансформация образа И. В. Сталина в контексте празднования его юбилеев (1929, 1939, 1949 гг.)

После смерти Сталина культ его личности просуществовал до XX съезда КПСС в 1956 г., когда советская номенклатура начала бороться с тем, что сама когда-то породила. А боролась она именно с образом, с символом, который конструировался на протяжении двадцати четырех лет с 1929 по 1953 гг. Личность Джугашвили, роль Сталина и культ его личности сегодня являются проблемами в высшей степени дискуссионными. Это обуславливает актуальность настоящего исследования.

Мое исследование рассматривает трансформацию образа И. Сталина в официальном советском дискурсе, 1929–1949. Работа посвящена трем юбилеям И. Сталина 50-летию, 60-летию и 70-летию, которые проходили в 1929, 1939 и в 1949 гг., соответственно.

Исследование базируется на анализе неопубликованных делопроизводственных источников, находящихся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Мной использовались Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) (подлинники постановлений и материалы, стенограммы некоторых заседаний Политбюро). Большая часть архивных материалов, относящихся к теме моей работы, была помещена в личный архив Сталина. Значительная часть работы опиралась на периодическое издание – газету «Правда» (декабрьские и январские выпуски газеты за 1929, 1939 и 1949). Еще одним видом источников, который

использовался в исследовании была публицистика (сборники стихотворений о Сталине и брошюры). Брошюры содержали в основном материалы статей, публиковавшихся в газете «Правда» в декабрьских юбилейных выпусках. В исследовании использовались также опубликованные воспоминания современников Сталина. В частности, оцифрованная дневниковая рукопись экономиста и члена МК ВКП(б) А. Г. Соловьева, которая находится в базе данных электронного корпуса дневников «Прожито». Также использовались воспоминания о юбилеях Сталина, опубликованные в отдельных книгах (Аджубей, Аллилуева, Райкин).

На протяжении 20-ти лет вокруг юбилея Сталина создавался ореол государственной важности этого праздника. При этом 21 декабря официально не был объявлен праздником в «красном календаре», не было в этот день и выходного. Скорее наоборот: в создаваемой средствами массовой информации атмосфере праздника одно из ключевых мест отводилось труду и работе – социалистическому соревнованию за увеличение масштабов производства.

На мой взгляд, один из самых интересных заголовков в юбилейных номерах «Правды» – это заголовок статьи М. Кольцова «Загадка – Сталин». Статья была напечатана еще в 1929 г.: «Все остальное понятно рабочим в Сталине. Его трубка, его френч, его речи, его шутки. Трубка обыкновенная, френч тоже. Речь развиваются строго по порядку: во-первых, во-вторых, в-пятых, в-шестых. Шутки простые и произносятся не часто. Но, если произносятся, - никогда не в порядке иронии или горького сарказма. Слабые места того дела, за которое дерется Сталин, – не смешат его» (Кольцов 1929, С. 6.). Внешний вид Сталина, его голос и речи были узнаваемы миллионами людей – надо отдать должное пропаганде. Но что скрывалось за этим образом? Если облик Сталина до конца дней оставался неизменным, то это нельзя сказать о содержании его образа.

В 1929 г., когда, по замечанию Сары Дэвис, славили скорее «безымянное коллективное руководство страны» (Дэвис 2011. С. 138),

Сталин, не так давно укрепившийся у власти, нуждался в поддержке, его еще не все считали абсолютным лидером. В 1929-м он предстал перед советскими гражданами идейным коммунистом с железной волей, а легитимность ему прибавляло ассоциирование себя одним из учеников Ленина, ведь именно он старейший и вернейший ученик, выдвижение которого поддерживает народ и партия.

Несомненно, в 1939 г. Сталин чувствовал себя куда увереннее. Особенно после партийных чисток и запугиваний бюрократического аппарата, который к концу 30-х гг. всячески старался ему угодить. Поэтому Сталин мог себе позволить проявлять некую «скромность» и позволить себя уговаривать воплотить ту или иную идею празднования в жизнь. В 1939 г. Сталин – это, скорее, «родной отец», «ясное солнце», которое «светит» над Советским Союзом. Сталина в это время часто сравнивали с солнцем, благодатью и даже богом. Я согласна со многими исследователями (С. Дэвис, Я. Плампер), которые видят обожествление в пропагандируемом образе Сталина. К юбилеям Сталина знаменитые поэты писали стихотворения, в которых Сталин завуалированно сравнивался с богом.

В 1949 г. легитимность сталинской власти уже не ставилась под сомнение. Индустриальное развитие страны, Конституция, победа в войне, международный авторитет – гений Сталина очевиден всем. 21 декабря агитаторы, газеты, радиопередачи лишь напоминали советским гражданам за что каждый должен любить, ценить и быть лично благодарен родному Сталину. К 1949 г. Сталинский образ снова поменялся. Он – защитник от всех врагов, учитель, вождь, отец своего народа. Интересно, что даже в 1949 г., когда Сталину исполнилось 70 лет, пропаганда не называла его дедушкой. Получается, что образ Сталина не старел. При этом, когда умер Ленин, ему было 54 года, но он уже именовался дедушкой.

Запрет на освещение личной жизни партийных вождей укреплял мифологический образ Сталина (Плампер 2010. С. 144). Людям не показывали Сталина-человека, для многих и по сей день Сталин остается

загадкой. Изменения образа Сталина, предлагаемого советским гражданам, особенно ярко заметны на примере практики подготовки и проведения его юбилеев. Нарастание культа личности Сталина отвечало на меняющиеся запросы политической повестки государства.

Список источников и литературы

- РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903-1991)). Оп. 163 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ЦК ВКП б) (подлинники постановлений и материалы, стенограммы некоторых заседаний Политбюро)). Д. 1538.
- РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Оп. 11 (Сталин И. В.). Д. 1352, 1353, 1354, 1377, 1378, 1380.
- Аджубей А. И. Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989.
- Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М.: Известия, 1990.
- Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН, 2011.
- И. В. Сталин (К 50-летнему юбилею). М.: Молодая гвардия. 1930.
- Кольцов М. Загадка – Сталин // Правда. – 1929. – 21 декабря. – С. 6.
- Наше солнце - Сталин! Сб. поэтов и сказителей Мордов. АССР, посвящ. 60-летию Иосифа Виссарионовича Сталина. Саранск: Мордгиз. Напеч. в Горьком, 1940.
- Ознаменуем 70-летие со дня рождения товарища И.В. Сталина новыми производственными успехами // Правда. 1949, 4 декабря.
- Райкин А. И. Воспоминания. СПб.: КультИнформПресс, 1993.
- Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное образование, 2010.

- Дергачев В. Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c>.
- Дневник А. Г. Соловьева // Электронный корпус Прожито URL: <http://prozhito.org/person/304>.

Повседневность позднесоветской школы в документах и практиках

В исследованиях советского детства особое внимание уделяется школе как одному из главных институтов социализации и воспитания молодежи. Изучение истории школы и идентичности школьников может опираться как на нормативные документы (взгляд «сверху»), созданные советской властью, так и на детские дневники, периодику, письма и т. д. (взгляд «снизу») (Сальникова 2007). В моем исследовании я соотношу нормативный образ школы и школьную повседневность, чтобы понять, насколько школьный порядок был близок к установленным правилам и образцам поведения.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом исследователей к истории детства и эго-документам, созданными детьми. Изучение детства с помощью детских текстов помогает создать более гуманный нарратив, в котором дети представлены субъектами образовательного процесса, а не безвольными объектами. В современном российском обществе советская школа все чаще становится предметом ностальгии и дискуссий, где сталкиваются полярные оценки от упреков в тоталитарности до признания ее опыта лучшим в истории отечественного образования. Все это делает перспективным попытку выстроить новый нарратив и учесть голос детей эпохи.

Источниками для данного исследования послужили дневники советских школьников, найденные в электронном корпусе дневников «Прожито». Возможно, в силу недавнего появления многих дневников и относительно недавнего запуска самого проекта, выявленные в ходе настоящего исследования дневники не были ранее изучены. Между тем с их помощью можно узнать о повседневных практиках школы, эмоциях

школьников, играх на перемене, отношениях с учителями и т. д. Для описания нормативной реальности школы были привлечены существовавшие редакции «Правил поведения для учащихся» (Типовые правила для учащихся 1979. С. 100–102) и «Единых требований к учащимся» (О новых правилах для учащихся 1979. С. 102–108), которые регулировали дисциплину и внешний вид учеников. В своем анализе я во многом опираюсь на выводы К. Маслинского, диссертация которого посвящена дисциплинарной повседневности позднесоветской школы (Маслинский 2017). Также в данном исследовании используются методические рекомендации, учебные пособия, справочники и периодика, предназначавшиеся учителям и предписывавшие их роль в школе.

В ходе своего исследования я пришел к следующим выводам: школьная повседневность в позднесоветском обществе была далека от той, которая описывалась и регламентировалась в нормативных документах. Вопрос о том, почему нормативное не превращалось в реальное, имеет комплекс причин.

Одной из них были возложенные на учителя обязанности по воспитанию и идеологизации школьников в условиях кризиса самой идеологии. Под кризисом в исследовании понимается процесс утраты идеологией содержания и ее превращение в фон, что А. Юрчак называет «перформативным сдвигом» (Юрчак 2014. С. 71–77). Нормативные документы, регулирующие школьную повседневность, имели серьезное противоречие. На фоне «оттепельных» преобразований власть требовала индивидуального подхода к детям (Майофис 2015. С. 35–106), но вместе с тем стремление государства регулировать образовательный процесс приводило к излишней формализации отношений. На практике обезличенные отношения порождали атмосферу недоверия в классе и мешали учителю приблизиться к детям. Выходом из ситуации становилось сотрудничество с учениками, когда все участники образовательного процесса создавали

видимость должного порядка, чтобы удовлетворить требования властного дискурса, исходящего от государства (Келли 2004. С. 104–155).

Анализ детских текстов наводит на мысль о том, что дети становились все менее восприимчивы к идеологии. К. Келли приходит к выводу, что идеология в принципе имела незначительное влияние на детей в позднесоветском обществе (Келли 2004. С. 104–155). Проанализировав общезначимые практики поведения школьников, я пришел к выводу о том, что наличие идеологии в качестве фона все равно обладало огромным значением, в том числе для формирования идентичности советского школьника. Безразличие к идеологии, на мой взгляд, было активным действием, которое можно описывать и в категориях сопротивления (Маслинский 2017. С. 264–282).

Таким образом, совокупное исследование источников «сверху» и «снизу» и анализ взаимодействия всех участников образовательного процесса кажется продуктивным, о чем и писала российский историк детства А. Сальникова (Сальникова 2007). В перспективе исследовательское поле следует расширить до анализа роли семьи в советском школьном образовании, изучении внешкольных практик детской повседневности и вопросов преемственности между советской и постсоветской школой. Такой подход позволит не ограничиваться вопросами идеологии и будет способствовать появлению новых нарративов о советском детстве.

Список источников и литературы

- Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
- Майофис М. Л. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е). М., 2015. С. 35–106.

- Маслинский К. Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского малого города и села: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. ЕУСПб, СПб., 2017.
- Маслинский К. Советская школа в свете теории сопротивления, или британские ростки на постсоветской почве // Городские тексты и практики. Том I: Символическое сопротивление. М., 2017. С. 264–282.
- О новых правилах для учащихся // Справочник классного руководителя / Сост. В. М. Коротов. М., 1979. С. 102–108.
- Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
- Типовые правила для учащихся // Справочник классного руководителя / Сост. В. М. Коротов. М., 1979. С. 100–102.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014.

**Память о Гражданской войне (1936-1939) в исторической памяти
испанцев (2004–2011)**

Настоящий доклад посвящен проблеме восприятия Гражданской войны (1936–1939) в испанском обществе начала 2000-х гг. в контексте полемики, развернувшейся вокруг принятия «Закона об исторической памяти» (2007 г.). Цель доклада – показать, как память о Гражданской войне превратилась в действенное средство политической деятельности в период пребывания у власти левоцентристского правительства Х. Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011). Основным источником исследования стали материалы периодической печати.

Были использованы публикации указанного периода и тематики, появившиеся в ежедневных газетах «Эль-Паис» (El País) и «АБС» (ABC). Эти периодические издания наиболее полно представляют настроения, соответственно, правого и левого спектров испанского общества по интересующей меня проблеме. «АБС» (основана в 1903 г.) традиционно занимает консервативную (правоцентристскую) политическую позицию, которая соответствует программным принципам Народной партии (НП). Во время диктатуры Франко «АБС» поддерживала режим, а после смерти каудильо заняла консервативные позиции, близкие к Народной Партии (Пожарская 2007. С. 288). В период разработки и принятия «Закона об исторической памяти» главным редактором издания был известный испанский журналист и менеджер СМИ Хосе Антонио Сарсалехос. Что касается освещения темы доклада, то в отобранных мной материалах «АБС» практически отсутствуют упоминания о репрессиях франкистского режима, а сам закон неоднократно подвергается жесткой критике авторов статей. При этом, издание широко освещает проблему братских могил, и, в отличие от

конкурента, в своих публикациях не разделяет массовые захоронения на республиканские и националистские.

Газета «Эль-Паис» разделяет социалистические и либеральные взгляды, что характерно для парламентских партий левого толка, подобных Испанской Социалистической Рабочей Партии (ИСРП). Она была основана в 1976 г. и стала первым изданием демократической направленности в пост-франкистской Испании. На момент разработки закона главным редактором газеты являлся Хавьер Морено. В своих публикациях газета уделяла (и уделяет) больше внимания репрессиям франкистов против левых политических сил (подчеркивая роль католической Церкви как вдохновителя франкистских репрессий), проблеме ликвидации франкистского наследия и вопросам увековечивания памяти жертв диктатуры. «Закон об исторической памяти», выдвинутый правительством, руководимым ИСРП, авторы «Эль-Паис» (El País) расценивали предсказуемо положительно.

Этот закон был принят Конгрессом депутатов 31 октября 2007 г. Основные его положения заключаются в осуждении франкистского государства и признании его жертв, демонтаже франкистских и фалангистских символов с административных и общественных зданий и построек, предоставлении гражданства Испании жертвам франкизма и их потомкам, которые вынуждены были покинуть страну в период с 1936 г. по 1975 г., а также в запрете на политические мероприятия на территории Долины Павших – мемориальном комплексе жертвам Гражданской войны (1936-1939). По существу, закон означал попытку реванша тех политических сил, которые потерпели поражение в ходе Гражданской войны. В этом смысле он напоминает законодательство о декоммунизации в странах Восточной Европы и ряде государств постсоветского пространства.

Таким образом, принятие закона имело следствием фактический отказ от принципов политики национального примирения, апогеем которой, как известно, стало подписание Пактов Монклоа от 25 октября 1977 г., определивших принципы взаимоотношений между ключевыми участниками

политического процесса (прежде всего – Правительством Испании и Коммунистической партией Испании, наиболее мощной силой оппозиции режиму Ф. Франко) и сделавших возможным успешный переход от тоталитаризма к демократии. В течение четверти века эта модель рассматривалась как эталонная не только для Испании, но и для всего мира.

Почему же ИСРП отказалось от политики, одним из основных проводников которой эта партия являлась ранее? Главной из этих причин стала эрозия традиционного электората ИСРП (как и левых политических организаций, в целом). В условиях деиндустриализации экономики страны, обусловленной интеграцией Испании в Европейский Союз, резко сократилась классическая социальная опора левых – рабочий класс, организованный в профсоюзы (Аникеева 2007. С. 197). В этих условиях испанские социалисты (да и левые вообще) пытаются расширить свой электорат за счет части среднего класса, мигрантов и представителей социальных меньшинств. В частности, руководство ИСРП попыталось (и пытается до сих пор) объединить вокруг себя часть общества, пострадавшую от диктаторского режима, и желающую взять реванш.

Исследование не только показало, что тема войны и диктатуры до сих пор остается острой и болезненной для испанского общества, но и позволило понять важные детали этого процесса. «Закон об исторической памяти» 2007 г. действительно возобновил раскол в испанском обществе, которое после смерти Франко в 1975 г., в целом, уверенно шло по пути примирения и согласия (Аникеева 2007. С. 237). Сравнительный анализ публикаций газет, отражающих позиции левых («Эль-Паис») и правых («АБС») показал не только сам факт этого раскола, но и основные тенденции его развития. Так, наступательная риторика «Эль-Паис» (El País), оперирующая абстрактными понятиями о справедливости и апеллирующая к концепции прав человека, носила по преимуществу внеисторический характер.

Наоборот, правые активно использовали исторические аргументы (главным образом, приводя факты левого террора периода Второй

Республики и Гражданской войны). Однако пропагандистский потенциал исторических аргументов казался крайне органичным: слишком часто те же факты озвучивались во времена режима Франко; к ним привыкли, они в значительной степени десемантизировались. Тогда как аргументы левых звучали много более свежо и эмоционально.

Принятие «Закона об исторической памяти» стало большой победой левых, стоявших у власти. Но сегодня эта победа во многом кажется пирровой. Факт наметившегося раскола в обществе отчетливо виден по различию в освещении события в периодической печати и до, и после утверждения Закона. Действия правительства социалистов разбередили старые раны и заново вдохнули жизнь в одну из самых трагичных и болезненных страниц Испанской истории, что неоднократно подчеркивали авторы газеты «АБС» (ABC).

В наши дни борьба с франкистским наследием перечеркивает достижения в политике примирения испанского общества и порождает новый раскол. Между тем, находящееся ныне у власти правительство Педро Санчеса не желает этого видеть; в ноябре 2018 г. был поставлен вопрос об эксгумации останков Франко и их переносе с территории монумента в Долине Павших на обычное кладбище, что и произошло 24 октября 2019 года. 15 сентября 2020 г. в Испании был принят «Закон о демократической памяти», который ставит под запрет восхваление и оправдание режима Франко 1936–1975 гг. и его деятелей. Исследование этих двух событий и их влияния на общество Испании я планирую продолжить в рамках магистерской диссертации.

Список источников и литературы

- Аникеева Н. Е. Испания в современном мире: 1976–2004 гг. М.: Национальное обозрение, 2007. – 279 с.

- История Испании. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. М.: «Индрик», 2014. – 872 с., ил.
- Пожарская С. П. Франсиско Франко и его время. М.: Алгоритм, 2007. – 352 с.

Принятые сокращения

- **El País** – El País. El periódico global. URL: <https://elpais.com/> (дата обращения: 04.04.2021).
- **ABC** – ABC. URL: <https://www.abc.es/> (дата обращения: 04.04.2021).

Итальянское «Движение пяти звезд» в контексте популистского тренда

К 2021 г. стало очевидно, что неолиберальная политическая система стран Запада испытывает глубокие внутренние потрясения. Так, бельгийский историк Давид Ван Рейбрук в книге «Против выборов» утверждает, что демократические страны страдают от «синдрома демократической усталости» (Van Reybrouck 2013. С. 23).

У «синдрома» есть несколько проявлений: падение доверия к политическим партиям, правительствами, парламентам, международным организациям, что видно не только по опросам, но и по явке на выборах, по характеру голосования (Van Reybrouck 2013. С. 10–17). По данным опросов World Value Survey в 2005 году в Италии: 51.7% не сильно, а 20.1% совершенно не доверяют правительству, 53.7% и 27.8% также ответили на вопрос о доверии к партиям, 47.7% и 16.7% в отношении парламента, 27.7% и 4.2% ответили таким образом на вопрос о доверии к ЕС. В 2017-м цифры недоверия к национальным институтам не сильно изменились: правительству не сильно доверяют 47.2% и совершенно не доверяют 26.7%, партиям 50.0% и 35.2%, парламенту 47.3% и 22.9%, зато значительно выросло число недовольных Евросоюзом: 40.3% и 17.2%.

Своеобразным ответом на «синдром демократической усталости» является популизм. Один из главных исследователей популизма Кас Мюдд определяет это явление как идеологию, которая считает, что общество в конечном счете разделено на две однородные и антагонистические группы, «чистый народ» (pure) против «коррупцированной элиты» (corrupt), и которая утверждает, что политика должна быть выражением общей воли народа (Mudde 2004. С. 3).

2008 г. произошел глубочайший всемирный экономический кризис, после которого популизм стал важной частью политической жизни демократических государств. В странах южной Европы кризис усугубил экономические проблемы, что привело к вынужденной экономии – сокращению социальных расходов и более жесткой монетарной политике, соответствующей стандартам Маастрихтских критериев. В то же время назрела общесоюзная проблема национального суверенитета в контексте членства в Европейском союзе.

По мнению популистов, два демократических столпа, представительность и равенство – утрачены современными западными демократиями. Представительство – из-за центристского консенсуса, равенство – из-за издержек глобализации и технологизации, последствий кризиса, которые сделали бедных – беднее, а богатые бедней не стали (Mouffe 2018).

2010-е гг. стали десятилетием роста популярности популистских партий и их электоральных успехов: «Альтернативы для Германии», «Партии независимости Соединенного Королевства», итальянской «Лиги Севера», нидерландской «Партии свободы» и др. Яркими представителями популистского тренда стали Мари Ле Пен, занявшая вторая на президентских выборах во Франции в 2017 году, и Дональд Трамп, победивший на президентских выборах в США в 2016 г.

Из этого тренда несколько выбивается итальянское «Движение пяти звезд», формально образованное в 2009-м, но фактически оно вело свою деятельность с 2007 г. Как и прочие популисты – это партия декларирует, что она за интересы непорочного народа против порочных элит (Mosca 2014. С. 13). «Движение» напоминает прочих популистов гибридность в том плане, что на словах отказывается рамок лево-право, тем, что оно порождено прежде всего национальными проблемами (Agustin 2020. С. 3). Оно также относится к европейским партиям, которые остро критикуют ЕС и желают «прямую демократию» (Алексеевкова 2019). Кроме того, «Движение» также

относится к тренду южноевропейских политических партий, протестных движений, добившихся серьезных электоральных успехов на фоне критики антикризисной политики экономии и мобилизовавшихся за счет активного использования цифровых медиа (Mosca & Quaranta 2017. С. 2).

«Движение» выделяется тем, что в отличие от названных выше популистов, по сути, своей является левой партией, выбивающейся из правопопулистского тренда. Это видно по анализу ряда эмпирических данных: речей, отличных от правопопулистской «Партии независимости Соединенного Королевства» (Cremonesi & Salvati 2019. С. 17–18), голосований в Европарламенте, которые гораздо ближе к лево-зеленым, чем к правым (Salvati 2016. С. 9–13). «Движение» – евроскептически, но не собирается выходить из ЕС, партия настроена критически к Союзу, но готова договариваться с ним, реформировать его изнутри. В целом становится более «мейнстримной» партией, собирать коалиции вместо популистов с левоцентристами (на разгромной критике которых партия набирала свой политический вес), что случилось в 2019 г.

Другое важное отличие – это собственно левый уклон партии, зеленая повестка, требования «улучшения» демократии, расширения ее. Феномен левого популизма исследовался Оскаром Агустином, Шанталь Муфф, Джин Л. Коэн и еще рядом авторов. «Если в 1930-е годы альтернативой экономическому либерализму и гиперглобализации были фашизм, сталинизм и какая-то разновидность социал-демократии, то сегодня, как я полагаю, это, по аналогии, правый популизм, левый популизм и разновидности либерально-демократического экосоциализма» (Cohen 2019).

Однако, эти исследования являются скорее общетеоретическими, конкретный опыт «Движения пяти звезд» в них либо не исследован, либо не артикулирован. А между тем, партия, которая последние восемь лет является наиболее популярной на национальной арене, партия чьи лидеры, Бeppe Грillo и Давиде Казаледжо, склонны к персоналистскому типу управления, но при этом «Движение» выступает за углубление демократии – изучение

этих вопросов, на мой взгляд, имеет научный интерес в контексте проблем неолиберальной демократии.

Также, как и вопросы того, каким образом левопопулистская партия будет выстраивать свою политику – останется ли она партией против истеблишмента или сама прочно войдет в него, сможет ли популизм стать не только проблемой либеральной демократии, но и повлиять на ее функционирование.

Список источников и литературы

- Рейбрук Д. Против выборов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 200 с.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, 2009. 39(4), 541-563. doi:10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- Inglehart R., Haerpfer C, Moreno A. et al. World Value Survey. Round Five - Country-Pooled Datafile Version. 2014. URL: www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp (дата обращения 04.04.2021)
- European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2021 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 1.1.0, doi:10.14281/18241.11
- Mosca L. The Five Star Movement: Exception or Vanguard in Europe? *The International Spectator*. 49:1, 36-52. 2014. doi: 10.1080/03932729.2013.875821
- Алексеенкова Е. Страна победившего популизма: Италия после выборов // *Современная Европа*. 2019. №2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strana-pobedivshego-populizma-italiya-posle-vyborov> (дата обращения: 04.04.2021).
- Agustín Ó. *Left-Wing Populism: The Politics of the People*. 2020. doi: 10.1108/9781839092039
- Mouffe C. *For a Left Populism*. L.: Verso, 2018.

- Mosca L., Quaranta M. Voting for Movement Parties in Southern Europe: The Role of Protest and Digital Information. *South European Society and Politics*. 2017. 22. 1-20. doi: 10.1080/13608746.2017.1411980.
- Cremonesi C., Salvati, E. Populism and the 2014 European elections: a comparative study of party speeches by the leaders of movimento cinque stelle and united kingdom independence party. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/333675971_POPULISM_AND_THE_2014_EUROPEAN_ELECTIONS_A_COMPARATIVE_STUDY_OF_PARTY_SPEECHES_BY_THE_LEADERS_OF_MOVIMENTO_CINQUE_STELLE_AND_UNITED_KINGDOM_INDEPENDENCE_PARTY (дата обращения: 04.04.2021).
- Salvati E. The Five Star Movement in the European Parliament. A real Eurosceptic party? // ECPR General Conference, Prague, 7–10 September 2016. URL: <https://ecpr.eu/Events/PaperDetails.aspx?PaperID=29527&EventID=95> (дата обращения: 04.04.2021).
- Cohen J. What's wrong with the normative theory (and the actual practice) of left populism. *Constellations*. 2019. 26. 391-407. doi: 10.1111/1467-8675.12427.

Научное издание

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы исторической секции
конференции для студентов, магистрантов и аспирантов
«Академические диалоги»
24 апреля 2021 г.

Оригинал-макет подготовлен
на кафедре всеобщей истории
ШАГИ ИОН РАНХиГС

Компьютерная верстка Е. Д. Браун